

ФАРИДА
МАРТИНЕС

*Счастье
на дне*
ОВРАГА

12+

ВСЕМУ МОЖНО НАЙТИ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ЕСЛИ В ЭТО ВЕРИТЬ...

Фарида Мартинес
Счастье на дне оврага

«Автор»

2019

Мартинес Ф.

Счастье на дне оврага / Ф. Мартинес — «Автор», 2019

Молва о Немом овраге держит в страхе всю округу деревни Абдулково. Вынужденная переехать сюда из мегаполиса, Надя тяжело переживает разлуку с первым в ее жизни парнем. Однако жизнь в деревне, полной мистических легенд, не дает скучать. Новые знакомства втягивают девушку в круговорот приключений, а старые проявляются с неожиданной стороны. Сплетни, предательства, ночные гадания переплетаются с комичными ситуациями, а желание вернуться в город заставляет совершать отчаянные поступки. Как далеко пойдет Надя в погоне за желаемым. И чем грозит опасная близость к загадочному оврагу?

© Мартинес Ф., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Новость	5
Глава 2. Подруги	8
Глава 3. Первое свидание	11
Глава 4. Старый знакомый	15
Глава 5. В ожидании счастья	19
Глава 6. Деревня	22
Глава 7. Крыло	27
Глава 8. Долгожданный звонок	30
Глава 9. Колька Хромой	34
Глава 10. Ларочка	37
Глава 11. Деревенская дискотека	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фарида Мартинес

Счастье на дне оврага

Глава 1. Новость

Если бы случайный прохожий, идущий по улице Роторной, поднял голову и посмотрел на окна жилого пятиэтажного дома, похожего на десятки других в этом районе, то не заметил бы ничего необычного. Стоял прохладный майский вечер. В воздухе тонким шлейфом повис запах недавно прошедшего дождя. Высокие клены выстроились вдоль дороги, и в их кронах, поросших молодой листвой, терялись только что зажженные уличные фонари. Мягкий свет падал на мокрый асфальт и манил стайки мотыльков, шумно и тревожно бьющихся крыльями о теплое стекло плафонов. Небо потемнело, появились первые звезды. Хотя их почти не было видно – аккуратно вычерченные созвездия тщетно старались привлечь чье-либо внимание, явно проигрывая по яркости огням мегаполиса.

К вечеру и без того спокойная жизнь на улице, расположенной в глубине спального района, затихала окончательно: сюда не долетали звуки машин, молодежь не сидела на скамейках у подъездов, предпочитая проводить время в современных развлекательных центрах, а старушки уже разошлись по домам. Лишь мерный стук колес проезжавших невдалеке поездов порой нарушал тишину.

Черные квадраты окон постепенно, одно за другим, освещались, создавая атмосферу уютных семейных вечеров. Однако так могло показаться лишь с улицы. На самом же деле в квартире номер двадцать восемь, на четвертом этаже дома номер шесть, разворачивалась настоящая драма. И, если бы балконное окно было открыто, то прохожий непременно уловил бы горькое отчаяние в голосе юной девушки, настойчиво, но тщетно старающейся быть услышанной.

Заглянув за задернутые шторы, он увидел бы небольшую гостиную. Вдоль стен располагалась мебель, пик моды на которую прошел еще в прошлом веке: коричневый в цветочек диван с потертými подлокотниками, «стенка» со стеклянными дверцами, заставленная наборами чайных сервизов и бокалов, и два кресла из одного комплекта с диваном. В углу, у балконной двери, – большой глиняный горшок с комнатной пальмой, а на полу – ковер с асимметричным узором из различных геометрических фигур.

Посреди гостиной, у круглого стола, стояла девушка четырнадцати лет, в коротком домашнем халатике, невысокая, хрупкая, с узкими плечами и худенькими ногами. Ее черные до плеч волосы были собраны в простой хвостик, прямая челка доходила до тонких, красиво очерченных бровей, съехавшихся от гнева на переносице. Большие карие глаза раскраснелись от слез, а маленький вздернутый нос и дрожащие пухлые губы придавали лицу девушки детское выражение.

– Вы с ума сошли? Какая деревня?! Мам, ну скажи ему! – кричала Надя, заглушая звук телевизора. Ее попытки переубедить родителей натолкнулись на непроницаемую стену равнодушного отказа и перешли в слезную истерику.

– Надя, это уже решено, – сухо сказал Иван Анатольевич, уставившись в газету, – и прекрати кричать. Всех соседей распугаешь.

Отец, в черном трико, белой майке и тапочках, сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Лицо его не выражало ничего, кроме надменной отрешенности: тонкие губы крепко сжаты, безучастный холодный взгляд за небольшими прямоугольными очками устремлен на столбики новостей.

– Плевать я на них хотела! Какая разница, если мы все равно уезжаем! – Надя взмахнула рукой, будто отмахиваясь от невидимых соседей. – Мама, ну что ты молчишь, скажи что-нибудь!

Семья Перовых жила здесь уже пять с небольшим лет. Квартира была съемная, по мнению отца семейства – слишком затратная. Он был человеком простых нравов, тратил деньги только по острой необходимости, и всякие хотелки и капризы были ему незнакомы. Он коротко стриг свои черные волосы под «ежик» и носил одежду из разряда «практично и неброско».

Жена Ивана Анатольевича, Лариса Андреевна, была под стать ему – женщиной чрезвычайно порядочной и скромной. Она никогда не говорила лишнего, не делала лишнего, не покупала лишнего и вообще была не особо заметной персоной в доме. И если бы не огненно-рыжие волосы и веснушки, могла бы сойти, скорее, за привидение, чем за живого человека.

– Надюш, ну, правда, успокойся, – тихо сказала мама, разглаживая руками передник. А потом, робко посмотрев на мужа, обратилась к нему: – Вань, подавать ужин?

– Давно пора бы, – отозвался Иван Анатольевич, не отрываясь от газеты. Он вдруг громко хмыкнул и добавил, не обращая ни к кому конкретно: – Вы только послушайте, что пишут! С июля этого года они планируют повысить оклад госслужащим! Повысить оклад! Какая щедрость! – он иронично поднял кверху палец. – А за чей, интересно, счет? Ну, конечно! За счет честных работяг, которых они выгнали взащей, как котят! За счет Петра Лукина, за счет Андрея Федорова, за мой, в конце концов! А эти папенькины сыночки остались, так им еще и оклад, видите ли, увеличат!

– Ну, вот так всегда, – с тихим вздохом поддакнула Лариса Андреевна, с опаской глядя на мужа: как бы всерьез не разозлился, тогда и ужинать не станет.

– Вы вообще меня слышите? – крикнула Надя, с силой хлопнув ладонью по столу. Затем схватила пульт и выключила телевизор. – Так лучше слышно?

– Что за скандал? – в комнату вошел высокий рыжий парень. Несмотря на то, что цветом волос, глаз и обилием веснушек он пошел в мать, вся фигура его была точной копией отца: худой, угловатый, немного сутулый – одним словом, нескладный, от чего все его движения казались неловкими, ломаными.

– Паша, – Надя бросилась к брату, ища поддержки, – они хотят, чтобы мы переехали в деревню!

– А, да, я знаю, – спокойно ответил он. – И что такого?

Надя посмотрела на брата как на ополоумевшего и перестала плакать.

– Ну, а что? – весело сказал Паша, подтягивая не по размеру широкие джинсы. – Мне все равно в техникуме учиться. Я в деревню поеду только на лето, а потом буду в общежитии жить.

– Предатель! – прошипела Надя. – А я? Мне тоже в общежитии? Мне же еще четыре года в школе учиться!

– Ой, Надь, не драматизируй, – брат закатил глаза. – Доучишься в деревне и снова вернешься в Казань. Поступишь в институт и тоже будешь жить в общежитии. Веселуха будет! – он поднял ногу, обхватил ее руками и запрыгал по комнате, изображая игру на бас-гитаре.

Лицо девушки окаменело.

– Я вас всех ненавижу! – процедила она сквозь зубы и выбежала из комнаты.

Так в одночасье размеренная жизнь разлетелась на мелкие кусочки, хотя еще днем ничего не предвещало беды. Учеба в школе закончилась, и Надя уже мысленно готовилась к летним каникулам. В отличном расположении духа она прибежала домой, зашвырнула сумку с тетрадками в шкаф и растянулась на кровати. Наконец-то долой скучную юбку и еще более скучный прямой пиджак! Да здравствуют узкие джинсы и короткие платья!

А вечером ее ждали плохие новости: отца уволили с работы. Иван Анатольевич много лет проработал на государственной службе рядовым сотрудником. Его не повышали в должности, но и не увольняли благодаря его готовности работать за мизерную зарплату. Он никогда не

опаздывал, прилежно отсиживал восемь трудовых часов за своим идеально организованным рабочим столом; два раза в день пил чай, беседуя о политике и руководстве с коллегой Петром Лукиным, полным пожилым мужчиной в вязаном жилете; затем обедал в положенное время, отвечал на звонки, ставил печати и ровно в шесть вечера выключал компьютер и уходил домой. Однако после реорганизации предприятия он, в числе дюжины человек, попал под сокращение и с этой печальной новостью пришел сегодня домой.

Жена его Лариса Андреевна работала парикмахершей, и ее зарплата не позволяла жить целой семьей в городе на съемной квартире. Поэтому, недолго думая, Иван Анатольевич решил перебраться в деревню, что находилась в пятистах километрах от Казани, и где жила его мать – одна в большом (по мнению соседей) бревенчатом доме. Лариса Андреевна, как всегда, безропотно приняла решение мужа.

– Слышь, Алин, мои вообще сбрендили, – Надя шипела в телефонную трубку, стоя у окна в своей комнате. За ее спиной, ровно посередине спальни, торцом к стене стоял шкаф, делящий помещение на две маленькие части, где только и могли поместиться по одной узкой кровати с прикроватными тумбочками: одна для брата, другая для Нади. – Мы через неделю уезжаем в эту дырень!

Красивый и немного взволнованный голос на другом конце провода ответил:

– Ну и что? Вы же к осени вернетесь?

– Не вернемся! В том-то и дело, – Надя снова заплакала. – Папу уволили, мы переезжаем в деревню!

На секунду повисла пауза, затем раздался протяжный вздох:

– Вот это да! Неужели ничего нельзя сделать?

– Алин, я там сдохну...

– Ты ему уже сказала?

– Нет. Не знаю, пока не хочу говорить, – Надя оперлась о холодную батарею и потербила край кружевного тюля, глядя в темноту улицы. В стекле расплывчато отразилось ее заплаканное лицо. – То есть и не могу, если честно. Он уже неделю не пишет и не звонит.

– Да, иду! – вдруг крикнула Алина, и снова тихо добавила: – Надь, меня мама зовет. Давай завтра увидимся, и ты все спокойно расскажешь, а пока постарайся успокоиться, ладно?

– Да, давай, – Надя недовольно закусил губу, не получив возможности выговориться. – Буду тебя ждать в двенадцать у часов. Пока-пока.

Она положила телефон на тумбочку и села на кровать, скрестив ноги по-турецки. Ужинать она не будет, не до того сейчас. Да что ужин! Она объявит голодовку и, глядишь, успеет умереть до отъезда. Хоть так, хоть эдак, а с Ним она больше не увидится.

Перед глазами предстал Его образ. Высокий, черноволосый, приковывающий взгляды своей уверенностью. Самый красивый на свете! Они познакомились на школьной дискотеке, устроенной в честь Нового года. Он пригласил ее на медленный танец. Как она гордилась собой перед подругами – танцевать со старшеклассником! Как-никак – целых два года разницы.

Еще бы! Надя в тот вечер была настоящей красавицей! Прямые черные волосы до плеч она завила так, что они превратились в короткую пышную прическу наподобие тех, что носят девушки во французских фильмах, а челку зачесала набок. Ну а дальше – темно-синее платье чуть выше колена, туфли на небольшом каблучке и мамина розовая помада сделали свое дело.

Он спросил, как ее зовут. А она-то давно знала его имя. Роберт Ахметшин, ученик девятого «А». Уже целый год она влюблена в него тайком.

Сердце танцевало ламбаду, хотелось прыгать от счастья, несмотря на медленный ритм песни. А после дискотеки он проводил ее до дома и спросил номер телефона.

Глава 2. Подруги

Весна в тот год выдалась на редкость холодной и дождливой. Листья на деревьях распустились только к середине мая. Небо, тяжелое и скучное, грузно висело над Казанью. Жители с нетерпением ожидали потепления: молодые жаловались на депрессию, старики – на ревматизм. Но весна, будто простудившись, все гундосила.

Снег давно растаял, но почва все еще хранила его холод. Лужи и лужи вокруг: на перекрестках, на тротуарах, на газонах, в выбоинах на асфальте... То там, то тут из урн торчали сломанные ребра вывернутых ветром зонтов. Мрачные вороны чернели на фоне серого неба крикливыми пятнами, а бесчисленные голуби пытались счастье на автобусных остановках, выклеывая пустую шелуху от семечек.

В разреженном воздухе отчетливо слышались звуки города, больше не приглушаемые мягкими подушками снега. Вот – прогудел сигнал автобуса, а вот – с грохотом и скрипом закрылись двери троллейбуса. Гул проводов, шум машин, гомон людских голосов, ритмичная музыка из открытых дверей магазинов смешались с запахами ресторанов, всевозможных духов, подземки, черных выхлопов автобусов, ну и конечно же, дождя.

– Ну что там у тебя? – немного раздраженно спросила невысокая полная девушка с соломенными волосами, собранными в хвостик. Она спрятала руки в карманах черного пальто и поежилась от холода. Мягкая и отзывчивая по своей природе, Алина сегодня выглядела напряженной и хмурой.

Подруги встретились у больших часов, возвышающихся на чугунном постаменте в начале пешеходной улицы Баумана в центре города. Даже в такую промозглую погоду здесь царил атмосфера праздника, и все вокруг приглашало горожан и туристов к развлечению: торговые центры, кафе, рестораны, отели, сувенирные лавки... После реконструкции город выглядел посвежевшим, как женщина после салона красоты. Не хватало лишь одной детали – солнца.

– А ты чего такая злая? – ответила Надя вопросом на вопрос.

– Да терпеть не могу такую погоду, – Алина подняла воротник пальто и потерла плечи озябшими руками.

– Ну так оделась бы теплее, – Надя почти обиделась. Сама-то она приготовилась к долгой беседе и надела теплую сливового цвета куртку и белую вязаную шапочку. – Ты меня в таком состоянии и слушать не сможешь.

– Да, как-то я не рассчитала. Думала прогуляться до пекарни на берегу Кабана – там всегда так вкусно пахнет пряниками! Но сейчас туда только вплавь доберешься. У меня и так уже сапоги промокли.

– Кому что, а Алине плюшки! – Надя возмущенно уставилась на подругу: никому нет дела до ее горя!

– Я же редко. Ты же знаешь: я на диете. И денег у мамы всегда в обрез. Так что даже лучше – сэкономлю немного, – Алина закусила губу, взглянув в сторону озера Кабан, чьи темные воды были покрыты рябью от ветра. Именно там, на берегу, стояла заветная кондитерская. – Может, в автобус сядем и по кольцевому маршруту проедем? Минут сорок он точно едет, – предложила она.

В автобусе было немного теплее. Люди входили и выходили, толкаясь, не извиняясь, задевая друг друга рюкзаками и сумками, наступая на ноги. Седой мужчина с портфелем подмышкой устремился к свободному сидению, и, заняв его, самодовольно уставился в окно. Однако старания его были напрасными: в автобусе оставалось еще как минимум пять-шесть свободных мест. Два из них в хвосте салона и заняли подруги.

Сырой воздух смешался с теплыми и неприятными запахами дыханий и пота людей. Грязные окна покрылись испариной, с потолка на спины и головы пассажиров падали холод-

ные капли воды. Надя брезгливо поморщилась. Она вытянула губы трубочкой и подтянула их к носу, стараясь вдохнуть как можно меньше воздуха. А Алина дышала в свой хвостик, которым она прикрыла всю нижнюю часть лица, как только вошла в автобус.

Двери с лязгом и скрипом закрылись, и автобус медленно покатил по дороге. Какое-то время девушки ехали молча, привыкая к неуютной обстановке, пока запах не перестал казаться тошнотворным.

– Они меня достали, не могу так больше, – Надя прервала молчание первой. Она смотрела в забрызганное окно. Проезжающие мимо машины обливали автобус новыми порциями воды из луж.

Алина дышала на руки. Ей было трудно понять проблему разногласий в семье. Родители развелись, когда ей было всего два года. Отца практически не видела. Вначале он немного помогал деньгами, а потом женился и исчез из жизни дочери. Прошло уже несколько лет с тех пор, как она видела его в последний раз. Спокойная и терпеливая, она привыкла жить скромно, понимая, что маме и так не просто сводить концы с концами.

– Может, все еще образуется, – попыталась успокоить она подругу.

– Да какое там! Ты бы их видела! – отмахнулась Надя и, обернувшись к Алине, тихо добавила: – Знаешь, что больше всего меня бесит?

– Что?

– Что Роберт теперь будет считать меня деревенщиной! Колхозницей из деревни! – Надя закрыла лицо руками.

– Да прям уж! Не преувеличивай! – возразила Алина. – Ты же городская девчонка. Ты никогда не будешь деревенщиной.

– Оплачиваем проезд! – с трудом пробираясь по салону и расталкивая стоявших в проходе людей, прокричала худенькая женщина с сожженными перекисью волосами. Она дошла до подруг и протянула руку. Надя взглянула на неухоженные темные ногти кондукторши и, с трудом скрывая отвращение, положила деньги ей в ладонь. Алина последовала ее примеру.

– О, у меня счастливый билет! – удивленно воскликнула Надя, пересчитав цифры на крохотном клочке бумаги.

– Видишь, все не так плохо, – улыбнулась Алина.

Надя скривила губы.

– Ерунда все это. Если бы билет знал, что меня ждет, он залез бы подальше в рулон.

– А моя мама говорит, что все, что ни делается, к лучшему.

– Как думаешь, почему он не звонит? – спросила Надя, будто не слыша слов подруги.

– Может, занят? У них ведь сейчас экзамены, ОГЭ, – неопределенно пожала плечами

Алина.

– Ну написать-то хоть одно сообщение можно. Для этого одной минуты достаточно, – сказала Надя с досадой в голосе.

– Не знаю, Надь, я вообще ничего в парнях не понимаю. Говорят одно – делают другое, а думают, наверно, что-нибудь третье.

Надя промолчала, и Алина сменила тему:

– А папа твой не может здесь новую работу найти?

– Да с ним вообще невозможно разговаривать. Не знаю, как мама его терпит. Я бы на ее месте давно ушла от этого придурка. Молодец твоя мама, что развелась, – Надя подышала на стекло и нарисовала пальцем сердечко.

В глазах Алины отразилась боль.

– Не говори так, Надька. Ты не знаешь, как это – жить без отца.

– Это ты не знаешь, как жить с тираном! – Надя резко обернулась к Алине и со злостью посмотрела ей в глаза, но вид подруги смутил ее. – Алин, ты чего?

Алина выдавила улыбку.

– Ничего, все нормально. И вообще, я обещала маме быть позитивней. Ей и так нелегко. Если еще и я буду добавлять... – она не договорила, а только грустно вздохнула. Но тут же скривилась и схватилась рукой за нос.

– Фу-у-у! – вырвалось у нее, и обе подруги, поддавшись быстрой изменчивости настроения, свойственной молодым особам, расхохотались на весь автобус.

Глава 3. Первое свидание

Поезд Казань – Самара медленно продвигался вперед. Четырнадцать часов пути, затем пересадка в Самаре и еще три часа до города Абдулино Оренбургской области. Ну а потом как повезет: такси или попутка до пункта назначения – деревни Абдулково. На машине такой путь можно было бы проделать за каких-нибудь шесть часов, но у Перовых ее не было.

Скрепя сердце Иван Анатольевич заплатил двенадцать тысяч рублей за четыре билета в один конец. После увольнения он стал еще более прижимист, чем прежде – и вот уже третий день только и говорил о ценах за проезд. Он вскипал, неожиданно вспомнив о потраченной сумме, но потом сам себя успокаивал тем, что по крайней мере на жилье они сэкономили. Стоит ли добавлять, что подобные поездки случались крайне редко, и в прошлый раз в родной деревне Иван Анатольевич был аж три года назад.

С Казанского вокзала поезд отошел в десять часов вечера. Нагруженные чемоданами, рюкзаками и парой икеевских сумок, Перовы заняли свое купе и приготовились к долгому и утомительному путешествию.

Если для Паши время в пути представлялось счастливой уважительной причиной, чтобы проваляться несколько часов ничего не делая без каких-либо назиданий со стороны отца, то для Нади эти часы виделись вынужденным заточением в непосредственной близости с тираном, один лишь голос которого выводил ее из душевного равновесия. Она взобралась на верхнюю полку, отвернулась к стене и уткнулась носом в рукав своей олимпийки, чтобы приглушить запахи супов быстрого приготовления и отсыревшего постельного белья, заполнившие собой все тесное пространство вагона. Мерное покачивание и вгоняющее в транс постукивание колес по рельсам возымели свое действие, и постепенно Надя забылась тревожным сном.

Рано утром ее разбудил звук захлопнувшейся двери. Надя открыла слипшиеся глаза и перевернулась на спину. Несмотря на ранний час, она все же выспалась. Все еще спали, и только койка отца была пуста – наверняка пошел занимать очередь в туалет. Будь его воля, он бы и там поставил аппарат, выдающий номерки, чтобы ни один наглец не вздумал пролезть вперед него без очереди.

Надя достала из кармана телефон и взглянула на экран – семь часов. Неожиданно рельсы загрохотали – поезд въехал на железнодорожный мост. Девушка перевернулась на живот и выглянула в окно. Перед ее глазами раскинулась панорама непередаваемой красоты: в лучах утреннего солнца далеко внизу на многие километры растянулась широкая и гладкая река. Конец ее убежал за горизонт и прятался в голубой дымке, а берега, один крутой, другой пологий, были покрыты буйной молодой зеленью. По реке медленно плыла огромная баржа, груженная песком, а из прибрежных камышей длинными изогнутыми антеннами торчали удочки. Глаз художника непременно возликовал бы от царственного вида великой Волги, однако Надя лишь равнодушно перевела взгляд на соседнюю койку, где, уткнувшись стопами в дверь, растянулся Паша.

Полчаса спустя поезд оживился: туда-сюда сновали пассажиры, продавцы газет и всякой всячины; проводница разносила заказанный чай; беспрестанно хлопала дверь тамбура. Из соседнего купе то и дело доносились обрывки громких фраз и дружный смех – компания явно не скучала. Перовы готовились завтракать.

Лариса Андреевна и Иван Анатольевич сидели каждый на своей нижней полке. Мать нарезала огурец и аккуратно складывала кружочек к кружочку на блюде.

– Лара, ну сколько можно тебя поправлять, – назидательно сказал Иван Анатольевич. Он нагнулся к столику и ткнул длинным пальцем в тарелку. – Вот этот кружок должен идти вот за тем. Неужели ты не видишь, что он не смотрится между этими двумя?

Лариса Андреевна вскинула на мужа удивленные глаза, но тут же опустила их, будто опомнившись.

– Да, конечно, ты прав, – женщина встала и аккуратно переложила кружочки огурца. – Этого достаточно или еще один нарезать?

– Достаточно, и стол протри, – Перов потянулся к перекладине на стене, снял аккуратно повешенное полотенце, медленно встал и вышел из купе.

Лариса Андреевна облегченно выдохнула и без сил опустилась на сиденье. Она устало посмотрела в окно на проплывающие мимо деревья, покрытые молодой зеленью. Солнце поднималось все выше, освещая бескрайние поля, сменяющиеся густыми лесами. Мелкие речушки убегали вдаль, кокетливо извиваясь. Природа дышала свежестью и манила дерзкой свободой.

Надя бросила взгляд на мать и тут же отвернулась, вспомнив, что обижена на родителей. Потом снова обернулась, но на этот раз глаза ее выражали, скорее, жалость, нежели обиду.

– Мам, как ты это терпишь? – в голосе девушки прозвучал упрек.

Лариса Андреевна вздрогнула, будто очнувшись ото сна, и посмотрела на дочь пустым взглядом. В этот момент открылась дверь, и в купе вошел Иван Анатольевич. Он вытирал руки о полотенце, тщательно проводя им между пальцами. Затем сложил его, подровнял края и повесил на перекладину так, чтобы нижний край был параллелен верхнему.

– Лара, ты не вытерла стол, – не глядя на жену, сказал он, затем, протиснув свое худое тело между столиком и краем лежанки, наконец примостился у края стола.

– Пап, оставь ее в покое! Ты достал уже своим занудством! – Надя свесила голову со своей полки и злобно посмотрела на отца.

– Надюша, не говори так с отцом, – мягко остановила ее мать.

Надя молча и с отвращением посмотрела на нее и отвернулась.

– Ну и терпи себе дальше, терпила, – пробубнила она, надевая наушники.

– Надя, Паша, спускайтесь есть, – сказал Иван Анатольевич командным голосом, оставив выпад дочери в свой адрес без внимания.

– Ну, наконец-то! – радостно отозвался Паша. Он легко спрыгнул вниз и, потирая руки, непринужденно сел рядом с матерью, будто и не слышал предыдущего разговора.

Послышался шелест разворачиваемых пакетов и фольги, и в ту же секунду запахло жареной курицей и печеной картошкой.

– Нет, вы только послушайте! – со злобной иронией произнес Иван Анатольевич, пробегая глазами по статье в газете, которую он собирался свернуть. – Тут говорится, что за последний месяц цены на железнодорожные билеты заметно снижены! – он хмыкнул. – Ну, видимо, поэтому нам не продали билеты в плацкартный вагон. Наверно, только на них и снизили цены, потому что купе обошлось мне совсем не дешево! Если бы не конец месяца и мы могли бы остаться в квартире еще хотя бы неделю, я бы ни за что не купил в спешке такие дорогие билеты!

Надя закатила глаза: отец неисправим. Она включила звук плеера погромче и осталась лежать на месте. Поезд проезжал мимо небольшой деревни, выглядевшей уж больно убогой и унылой на фоне ярко-зеленого леса. Серые от старости заборы покосились, крыши некоторых домов так прохудились, что, казалось, были готовы рухнуть при первом порыве ветра. Тут и там на огородах копошились люди.

Наде стало жутко. Она представила себя, городскую девчонку, в вытянутых трико и галошах, копающейся в земле, согнувшейся пополам и подставившей пятую точку на обогрев солнцу, и с тоской посмотрела на свои красивые белые руки с длинными пальцами.

Она перевернулась на спину и закрыла глаза. В наушниках зазвучал мелодичный голос Энрике Иглесиаса, непроизвольно напомнивший тот далекий зимний вечер полгода назад,

когда она сидела в своей комнате за уроками и слушала эту самую песню. Надя как раз дочитывала заданный параграф по истории, когда телефон, лежавший рядом на столе, завибрировал.

– Привет, это Надя? – голос был негромкий и мог принадлежать только одному человеку на свете.

– Да, это я, – ответила Надя дрожащим от волнения голосом. Она сразу поняла, что это он, когда на телефоне высветился незнакомый номер. Сердце колотилось в горле, казалось, она забыла, как дышать.

– Это Роберт. Помнишь меня? Мы на дискотеке познакомились неделю назад, – голос звучал немного робко.

– Да, конечно. Привет, – дрожь из горла опустилась в колени. Она подошла к кровати и села. Из зеркала на дверце шкафа на нее смотрела тринадцатилетняя девушка с покрасневшими щеками и улыбкой во весь рот, одетая в синие домашние штаны и бежево-серую полосатую кофту.

– Да, привет, – снова повторил он, и Надя поняла по голосу, что он тоже улыбнулся. – Как дела?

– Нормально, – девушка немного успокоилась. Адреналин, захлестнувший ее в первые секунды разговора, поутих. – Как сам?

– Все отлично. Хотел спросить, что сегодня вечером делаешь.

– Ничего, – тут же выпалила Надя. – А что?

– Да так... Думал прогуляться тут, по району. Не хочешь со мной?

– Да, конечно! – Надя чуть не запищала в трубку.

Это был, пожалуй, самый счастливый день в ее жизни. Свидание! У нее будет свидание! Первое в жизни. Накануне Нового года! Никогда она не чувствовала себя такой красивой. Она прыгала по комнате, падала на кровать, подбрасывала вверх плюшевого мишку, подаренного родителями в детстве. Потом распахнула дверцу шкафа и стала перебирать свой скудный гардероб. Хорошее настроение тут же сменилось тревогой. Что надеть? Их семейный бюджет не был рассчитан на постоянные обновления. Из одежды было только самое необходимое, никаких капризов и незапланированных покупок. Все в приглушенных тонах, чтобы вещи сочетались между собой. Перемерив все, что было, она остановила выбор на плотных темно-синих джинсах и черном свитере с двумя вышитыми красными вишенками под правым плечом. Придирчиво оглядев себя в зеркале, она вздохнула: ничего более подходящего для такой погоды в ее шкафу все равно не найти.

Был декабрьский морозный вечер. Надя шла к назначенному месту встречи и сияющими от счастья глазами, будто впервые, рассматривала Роторную улицу, казавшуюся в этот момент самой красивой на свете. Снег шел не переставая уже два дня, каждая веточка кленов словно укуталась уютной шалью из снежинок, и все вокруг за выходные превратилось в новогоднюю сказку. Невдалеке слышался шум снегоочистительной машины, готовившей дороги к рабочему понедельнику. Коричневая шубка из искусственного меха и вязаная шапка девушки покрылись тонким слоем снега. Идти по заметенной улице было тяжело, ноги в сапогах на школьном каблучке то и дело проваливались в сугроб, но Надя не замечала этого.

Она сразу узнала его. Роберт стоял у входа в метро. Его пуховик был почти сухой – видимо, только вышел из подземки.

Рядом был вход в торговый центр. Из крутящихся стеклянных дверей то и дело доносились обрывки новогодней песни «Let it snow», создававшей особое романтическое настроение, а посреди холла виднелась большая, пышно наряженная елка. Люди, словно обезумевшие, с кучей огромных разноцветных пакетов сновали по торговому центру из магазина в магазин, спешно выбирая подарки.

Молодежь небольшими шумными группами сидела на спинках скамеек и толпилась у входа в метро, откуда доносились приглушенные звуки гитары. Всеобщее оживление взбодрило Надю. Она широко улыбнулась и, чуть ли не танцуя, подошла к Роберту.

– Идем, идем, нас уже ждут, – не поздоровавшись, торопливо сказал он.

– Кто ждет? – не поняла Надя. Улыбка исчезла с ее лица. – Я думала, у нас это... – она замялась, – свидание.

– Ну да так-то. Только меня потом ребята позвали. Они тут недалеко. Я тебя с ними познакомлю, они клевые.

Роберт схватил Надю за руку и потянул за собой.

– Постой, – крикнула девушка и с силой выдернула руку.

Роберт обернулся и нетерпеливо посмотрел на нее.

– Надь, да все нормально, не бойся. Я же с тобой, – он снова протянул ей руку.

Надя отступила на шаг.

– Мы так не договаривались, – она опустила глаза, губы задрожали. – Я пошла домой, – тихо произнесла она и отвернулась.

– Да ладно тебе, мы же в принципе не договаривались, что будем делать. Какая разница – потусуемся с ребятами, – Роберт виновато улыбнулся.

– Спасибо, но я наслышана о таких историях. Нет уж, я все-таки пойду домой, – сказала твердо Надя. Потом посмотрела ему в глаза и с горечью добавила: – Я думала, ты другой, а ты такой же, как и все!

Она отвернулась и быстро зашагала прочь, не дожидаясь ответа и едва сдерживая слезы, но через несколько шагов неловко поскользнулась и, громко ахнув, плюхнулась на лед.

Роберт подбежал к ней и протянул руку. Надя ухватилась за нее, но, поднимаясь, случайно сделала ему подножку, и в следующую секунду оба распластались на тротуаре. На мгновение они замерли в неловком молчании. Надя не выдержала первой. Она фыркнула и рассмеялась так, что слезы выступили на глазах. Она попыталась встать, но Роберт потянул ее за руку.

– Постой, смотри, какие звезды, – прошептал он.

Надя снова легла, вытирая перчаткой мокрые глаза, и посмотрела вверх. От увиденного у нее закружилась голова и перехватило дыхание. Она перестала смеяться и, замороженная, уставилась на небо. Оно казалось бесконечно черничным, бездонным, наполненным миллионами маленьких звезд, открывающими двери во Вселенную. Надя удивленно захлопала ресницами. Они отошли от торгового центра совсем недалеко, а свет его уже не затмевает слабого мерцания звезд. Раньше ей и в голову не приходило обратить свой взгляд выше крыш. Для нее темное небо всегда было лишь невидимым потолком, на который и смотреть-то незачем. Мимо проходили люди, не обращая внимания на лежащую посреди дороги парочку. Некоторые, глядя на них, смеялись. А Наде в тот момент было абсолютно все равно. Роберт все еще держал ее за руку, и не было в мире ни одной души счастливее ее.

– Знаешь что? – тихо спросил он, повернувшись к ней лицом. – Ты права. Пойдем погуляем вдвоем. С ребятами я завтра увижусь.

Глава 4. Старый знакомый

Поезд тем временем уносил семью Перовых все дальше, с каждым километром отдаляя их от размеренной жизни. Конечно, в ней не было ничего необычного, не было искрящегося счастья, не было роскоши, но была привычка. И что бы ни случилось, Надя знала, что всегда может вернуться домой и спрятаться на своей половине комнаты в тишине и безопасности.

Квартиру Перовы снимали меблированную, поэтому оставалось только собрать свои личные вещи, которых, благодаря пристрастию Ивана Анатольевича к безупречному порядку, оказалось не так уж и много. Однако распрощаться с домом, в котором они прожили пять лет, и с улицей, на которой знали каждое дерево и каждую кочку на дороге, оказалось гораздо сложнее. В последний день перед отъездом дома было особенно тихо. Все, включая Пашу, были угрюмо сосредоточены на укладывании чемоданов.

И теперь все их скудное имущество было аккуратно уложено под сиденьями и над верхними полками в купе, а поезд все мчался между полей и лесов, равнодушный к печалям и радостям своих пассажиров.

Наконец, преодолев восемнадцать часов пути, поезд дернулся и остановился. В окне показалась красная надпись на розовом здании: «АБДУЛИНО».

– Выходим! – скомандовал Иван Анатольевич. Он схватил два чемодана, уже стоявших в проходе, и направился к выходу.

– Есть, сэр! – крикнула Надя и приставила руку к виску, изображая солдата.

Пару минут спустя семейство Перовых, нагруженное рюкзаками, сумками и чемоданами, спустилось по складной лесенке на перрон. Провинциальный пейзаж, пусть и украшенный свежей зеленью, тут же нагнал на Надю такую тоску, которая в разы превосходила ту, что угнетала ее в самом начале пути.

Поток людей направился к небольшой площади со стороны главного фасада здания вокзала, где их уже поджидала голодная стая таксистов. Иван Анатольевич, увидев их, лишь поморщился. Он остановился и, нервно вздохнув, поставил сумки на землю. Путь до деревни составлял каких-то десять километров, но платить за такси явно не входило в его планы. После затрат на поезд, изрядно опустошивших его и без того скудный кошелек, Перов готов был идти до деревни пешком, несмотря на тяжелый багаж.

Надя угадала мысли отца: сейчас им предстоит унижительное ожидание самого последнего такси, от которого все отказались из-за дряхлости автомобиля, или маловероятной бесплатной попутки. Девушка сбросила оттягивающий плечи рюкзак и уселась на чемодан. Делать было нечего, и она стала рассматривать окружающую их панораму: пустая площадь с редкими скамейками и клумбами цветов, старинное двухэтажное розовое здание вокзала, вытянутое по фасаду, неприметное здание автовокзала рядом, а дальше – линии электропроводов, пересекающие высокое летнее небо, и ни одной многоэтажки, ничего интересного, на чем мог бы остановиться взгляд, привыкший к городскому пейзажу.

Время шло. Постепенно площадь опустела – ждать бесплатную птицу счастья казалось все большим безумием.

Первой, как, впрочем, и всегда, не выдержала Надя.

– Может, мы все же как-нибудь двинемся в сторону дома? Или так и будем тут сидеть как бомжи?

– Вон, приехал наш транспорт, – проворчал Иван Анатольевич, указав на автобус, как раз подъехавший к автовокзалу. – На него у нас денег хватит.

Усталое семейство молча погрузилось в автобус и так же молча доехало до остановки «Абдулково». Автобус укатил дальше по шоссе, оставив угрюмых путешественников на перекрестке, от которого до деревни вели еще добрых полтора километра грунтовой дороги. Не

обремененный ношей путник проделал бы этот путь за каких-нибудь десять-пятнадцать минут. Но Перовы, к их сожалению, такими путниками не являлись, однако выбора у них не было.

Минуту спустя по грунтовой дороге, ведущей в деревню, шли четыре человека, нагруженные рюкзаками и сумками, словно вьючные животные. В придачу они волочили за собой чемоданы, чьи крохотные колесики были готовы разлететься в любой момент от тряски по неровной поверхности и беспрестанно попадавших под них камней. Одежда троих представителей семейства Перовых уже после ночи в поезде утратила свежий вид: серый хлопковый спортивный костюм Ларисы Андреевны смялся и вытянулся на коленях; и без того широченные штаны Паши растянулись еще сильнее и теперь висели на узких бедрах, выставляя напоказ белую широкую резинку трусов каждый раз, когда парень нагибался, чтобы поставить сумку на землю и дать рукам передохнуть; темные узкие джинсы, черная короткая футболка и повязанная вокруг талии олимпийка Нади покрылись белыми ворсинками от поездного постельного белья. И только синтетический спортивный костюм Ивана Анатольевича, предусмотрительно выбранный им для подобных случаев, выглядел таким же аккуратным, как и в самом начале путешествия.

День клонился к вечеру. Солнце огненным шаром повисло над лесом, видневшимся вдали. Майские холода давно прошли, и к началу июня погода наконец установилась мягкая и приятная. Свежий ветер донес до путников запахи травы и коровьего навоза, которые Надя помнила еще с прежних приездов в деревню и ни при каких обстоятельствах не спутала бы ни с чем другим. Вдали, за деревьями, показались потемневшие от времени крыши домов. Похоже, купе поезда было для них последней роскошью, которую отец смог себе позволить.

Прелести деревенской жизни, которые Надя упрямо гнала из своих воспоминаний и предпочла бы никогда больше не пересекаться с ними, не заставили себя долго ждать: впереди показалось густое коричневое облако пыли, сопровождаемое глухим топотом множества тяжелых копыт и протяжным ревом.

«Только этого не хватало!» – удрученно подумала Надя, поморщившись от отвращения. В ушах зазвенел издевательский смех одноклассников, показывающих на нее пальцами. Если бы кто-то из знакомых и вправду увидел ее, идущую по свежим коровьим следам, то позора на всю оставшуюся жизнь было бы не избежать. Надя сглотнула ком, подступивший к горлу.

Внезапно послышался приближающийся звук мотора, и путников обогнал серо-зеленый УАЗик. Его мощные колеса подняли в воздух клубы дорожной пыли, едва успевшей осесть после прошедшего стада. И без того донельзя раздосадованная, Надя демонстративно закашлялась и принялась сердито махать рукой перед носом. УАЗик проехал несколько метров и вдруг резко, со скрипом остановился. Дверца шумно распахнулась, и из машины выпрыгнул мужчина лет сорока, среднего роста, со светлыми слегка вьющимися волосами, в бежевом льняном костюме. Он широко улыбался, поджидая семью Перовых.

– Неужто сам Иван Анатольевич пожаловал? – произнес он приятным голосом.

– А, привет, Артем, – медленно изрек Иван Анатольевич, остановившись. Он с нескрываемым презрением оглядел мужчину, затем педантично поправил очки, достал из кармана аккуратно сложенный платочек и протер их. В отличие от водителя УАЗика, встреча, по всей видимости, не доставила ему удовольствия.

– Какими судьбами? Отпуск? – мужчина протянул руку для приветствия.

Иван Анатольевич нахмурился и нехотя подал свою в ответ.

– Не совсем, – ответил он через мгновение. – Я это... эм... ушел с работы.

– Да ладно! – мужчина хмыкнул и, переведя взгляд на Ларису Андреевну, спросил елейным голосом. – Как дела, Ларочка?

– Лариса, – моментально и довольно холодно поправила его Лариса Андреевна.

– Как хочешь – Лариса так Лариса, – он подмигнул ей. Потом снова обратился к Ивану Анатольевичу: – Может, вас подвезти? Машина большая, все поместимся.

– Нет, спасибо, нам недалеко, – резко ответил Иван Анатольевич и, быстро взглянув на жену, мотнул головой в сторону деревни, призывая ее продолжить путь.

– Пап, поехали! – взмолилась Надя. – Сколько нам еще тащиться!

– Надя, папа уже сказал «нет», – неожиданно резко ответила Лариса Андреевна.

– Тогда пусть папа и тащит все это барахло! – крикнула Надя и с силой оттолкнула свой чемодан в сторону.

– Да ладно вам, я тоже голосую за машину. Тем более человек сам предлагает, – Паша посмотрел на отца.

Надя запрокинула голову и широко раскрытыми глазами уставилась на небо.

– Он меня поддержал – сейчас снег пойдет! – воскликнула она, словно призывая небеса в свидетели.

Иван Анатольевич нервно топтался, искушаемый соблазном доехать до дома на машине, но в то же время останавливаемый странной неприязнью к старому знакомому. Он все оглядывался на деревню, до которой все еще оставалось около километра.

– Поехали, поехали! – подбодрил его мужчина, поднял с земли чемодан Нади и легко закинул в багажник.

Иван Анатольевич поджал губы, сердито поглядел на жену, внимательно рассматривавшую траву у дороги, и, наконец, молча кивнул.

В УАЗике пахло сигаретами и бензином. Машину трясло на кочках, чемоданы шумно перекатывались в багажнике. Лариса Андреевна с детьми устроились сзади: Паша – за отцовским сиденьем, Надя – за водителем, ну а мать, чтобы никому не было обидно, усадили посередине. Иван Анатольевич, сидя на переднем пассажирском кресле, угрюмо смотрел в окно на проплывавший мимо деревенский пейзаж.

Водитель первым прервал молчание:

– Ребят, нас не представили. Я Артем Сергеевич Маслов. С недавних пор – директор местного клуба, так что милости просим на дискотеки, – он самодовольно улыбнулся. Руки его свободно лежали на руле, который повиновался с такой легкостью, словно сам знал, куда и когда поворачивать. Перовы молчали, и мужчина продолжил: – Мы с вашим папкой учились вместе в сельхозакадемке. Потом еще пару раз пересекались. И вот уже лет, – он замолчал и бросил беглый взгляд на Ивана Анатольевича, – восемнадцать, наверно, да? – Перов не ответил. – Ну да, где-то так примерно. Короче, лет восемнадцать мы не виделись.

Маслов замолчал и внезапно стал сбавлять ход: УАЗик настиг стадо, и Надя увидела огромных животных, медленно, словно в трансе, идущих по обеим сторонам от дороги: они виляли увесистыми задами и сонно жевали что-то им одним известное. Их было не меньше двадцати голов – рыжих, коричневых, пятнистых, с мощными рогами и шершавыми носами. Директор клуба сосредоточенно вглядывался в лобовое стекло, медленно, словно корабль, лавируя между коровами в непроглядной бурой пыли.

– Ну вот, не успели приехать и тут же попали в пробку, – с веселой иронией произнес Артем Сергеевич. – Ничего, сейчас выберемся, – ответил он сам себе, выкручивая руль.

– Артем Сергеич, – окликнул Паша водителя, когда машина наконец выбралась на открытую дорогу. – А что, на дискотеки теперь много народу ходит? – он перегнулся через мать и просунул голову между передними сиденьями. – В прошлый раз ее даже не открыли.

– Это потому, что меня здесь еще не было! – Артем Сергеевич пожал плечами. – А теперь все в порядке. Люблю, чтобы все было хорошо! Чтобы люди радовались, чтобы молодежь гуляла! Эх, такой уж я, душа нараспашку! Да ведь, Ларочка? – он снова улыбнулся и посмотрел в зеркало заднего вида.

Лариса Андреевна от неожиданности подняла глаза и встретилась с ним взглядом, но тут же резко отвернулась к окну, у которого сидела Надя, и густо покраснела. На фоне рыжих

волос, веснушек и ярко-зеленых глаз румянец выглядел совсем по-детски. Дочь с удивлением посмотрела на нее.

– Мам, что это значит? – спросила она едва слышно, одними губами.

– Лариса! Ее зовут Лариса! – вдруг крикнул Иван Анатольевич. Лицо его скривила такая злоба, какой Надя никогда раньше в нем не видела. – Останови машину!

Артем Сергеевич остался невозмутимым, но улыбаться перестал.

– Ладно, Вань, не кипятись. Что было, то прошло. Да и к тому же мы уже приехали.

Он подъехал к высокому деревянному забору, выкрашенному голубой краской, и остановился.

Иван Анатольевич стремительно выскочил из машины и с силой захлопнул дверь, от чего весь кузов содрогнулся. Потом рывком открыл багажник, не дожидаясь хозяина УАЗика, и повыбрасывал чемоданы на землю.

В полном недоумении Надя выбралась вслед за отцом и огляделась. Солнце уже почти совсем село, и его предзакатные лучи наполнили Южную улицу, где находился дом Перовых, теплым оранжевым светом и длинными тенями. По обе стороны от дороги небольшие деревянные дома выглядели из-за разноцветных и разносортных заборов, придающих улице вид театральных декораций: вот – зеленый, новенький, дощатый; за ним – серый, некрашенный, покосившийся от времени и недостатка хозяйской руки; дальше – сплошной железный из рифленых листов ярко-красного цвета. Перед ними раскинулись лужайки молодой травы – рай для кур, гусей и прочей домашней птицы. Густая зелень вокруг притягивала взгляд, высокие садовые деревья неподвижными хранителями спокойствия склонили свои пышные ветви над шиферными крышами. От коровьих лепешек на дороге тянуло запахом свежепереваренной травы. Где-то невдалеке раздавалась трель соловья.

– Все, спасибо! – Иван Анатольевич со злостью приложил руку к сердцу и наигранно поклонился Маслову, когда тот выбрался из машины и, прислонившись к ней, ждал, пока Перов закончит с багажом. – В гости, извините, не приглашаю!

Лариса Андреевна, все еще красная, тщательно приглаживала карманы брюк, которые, как ей казалось, некрасиво топорщатся, стараясь ни на кого не смотреть. Паша озадаченно тарачился то на отца, то на Артема Сергеевича, а Надя встала спиной к матери, словно защищая ее от их нового знакомого, и с вызовом посмотрела в его голубые со смешинками глаза.

– Не смейте так разговаривать с моей мамой, понятно? – выкрикнула она с нескрываемой злостью, давая выход накопившемуся раздражению.

– Ладно, ладно, не переживай ты так. Дядя пошутил. Такой уж у меня характер! – мужчина ловко нагнулся, подобрал соломинку с земли и зажал ее между зубами. – Кстати, лучше не носи такие узкие джинсы: ты в них на воробышка с тонкими лапками похожа.

Он показал двумя пальцами, как прыгает воробей, засвистел и, не дожидаясь ответа, прыгнул в УАЗик и завел двигатель.

– Хорошего вечера, – крикнул он в окно, когда машина уже тронулась с места, окутав семью Перовых новым облаком пыли.

Надя смотрела ему вслед, открыв рот, но через мгновение пришла в себя.

– Придурок! – крикнула она и, схватив с земли камень, швырнула его вдогонку своему обидчику. – И ты тоже придурок! Заткнись уже! – это относилось к Паше, согнувшемуся пополам от смеха.

Глава 5. В ожидании счастья

– Мам, дай мне свои духи побрызгать, – Надя открыла дверь родительской спальни. Одетая в махровый халат мать сидела на краю кровати, облокотившись о колени и опустив голову на руки. Обычно по вечерам она занималась домашними делами на кухне, и Надя, тайком пробиралась в ее комнату, чтобы воспользоваться косметикой без спросу. Однако сегодня мать сказала усталой и, извинившись перед всеми, ушла в спальню пораньше.

Лариса Андреевна, никогда не показывавшая своих истинных чувств и эмоций, и теперь предпочла не привлекать к себе внимания. Поэтому, не совладав с вдруг накотившей на нее грустью, просто спряталась в тишине пустой комнаты. Услышав голос дочери, она быстро выпрямилась и улыбнулась. Эта неосознанная привычка выработалась у нее еще в детстве. В присутствии людей, даже домашних, губы ее непременно растягивались в однотипной неестественной улыбке, тотчас исчезающей с лица, когда она оставалась одна. словно желая оповестить всех и сразу всем своим видом: у меня все хорошо, занимайтесь своими делами и не обращайтесь на меня внимания.

– Ты разве не к Алине идешь? – тихо спросила Лариса Андреевна.

– Да, ну Алина ведь тоже человек. Почему бы для нее не подушиться? – Надя попыталась улыбнуться в ответ.

Стоял январский вечер. В начисто прибранной комнате уютно горела ночная лампа, и от ее света на стенах лежали длинные тени. Горячие батареи издавали негромкий булькающий звук. Тяжелые бордовые шторы были плотно задернуты, скрывая тихо падающий за окном снег.

Надя прошла по мягкому ковру, приглушающему звук шагов, и присела рядом с матерью.

– Мам, ты что, плакала? – она нагнулась и попыталась заглянуть ей в лицо.

– Нет, тебе показалось, – Лариса Андреевна поспешно протерла глаза, – просто косметику смывала, вода в глаза попала.

– Ты же не была накрашена, – Надя поднялась с кровати, подтянула джинсы на коленках и присела на корточки напротив матери. – Мам, это из-за папы?

– Нет, Надюш, все в порядке. Так что ты там, духи хотела? Вон они, на столике, – Лариса Андреевна медленно со вздохом поднялась и погладила дочь по голове. – Ты надолго?

– Нет, – неуверенно ответила Надя, вставая, – ненадолго. Просто решили вместе к контрольной по истории подготовиться, – она сама не понимала, почему лгала матери. В какой-то момент ей стало стыдно признаться, может быть, даже самой себе, что она превращается из девочки в девушку, как гусеница в одночасье становится бабочкой, и интерес к мальчикам в ее возрасте – лишь проявление здорового развития. Она опустила глаза. Однако мать, погруженная в свои раздумья, не заметила ее неловкости.

Надя отошла к туалетному столику и, взяв флакон, подушилась. Затем бросила беглый взгляд на мать в зеркало, достала из косметички розовую помаду и накрашила губы.

– Не забудь телефон, ладно? – сказала Лариса Андреевна, поправляя примявшийся край покрывала на кровати. – Позвони, если что.

– Окей, – ответила Надя и, стараясь не смотреть на мать, вышла из комнаты.

Пятнадцать минут спустя Надя бежала по темной улице, благоухая мамиными духами. До остановки рукой подать – осталось только завернуть за угол.

Все, на месте – теперь ждать. Что, если он уже там? Если стоит сейчас один, смотрит по сторонам, мерзнет, волнуется? А она тут, на остановке, а автобуса все нет и нет. Казалось, время застыло, как сосульки, свисающие с крыш домов. Людей на остановке становилось все больше и больше. Те, кто пришел раньше, уже изрядно озябли и теперь переступали с ноги

на ногу, пытаюсь согреться; кто-то нетерпеливо курил, наполняя морозный воздух облаками белого терпкого дыма.

Вдали блеснули большие круглые фары – вот и автобус. Подъехал, остановился. Толкаясь и ворча, люди поднялись по ступенькам. Салон, как всегда, переполнен. Надя протолкнулась в самый конец к окну, даже не пытаюсь отыскать свободное место в салоне. Скорее, скорее! Как же медленно он едет! Снег залепил окна, ничего не видно, а голос из громкоговорителя, объявляющий остановки, едва слышен. Только бы не пропустить нужную.

Сердце металось в груди, как дикий зверь в клетке. Только бы он не ушел! Только бы дождался! Интересно, куда они пойдут сегодня? Роберт каждый раз придумывает что-то новое. Каждое их свидание – настоящее приключение. Какая же она счастливая. Ни у одной ее подруги нет такого парня!

Глухой голос из динамиков пробубнил название очередной остановки. Все, приехала! Не помня себя, Надя бежала к назначенному месту встречи. Сейчас она увидит его глаза, улыбку, услышит его голос. И станет еще более счастливой, если такое возможно.

Шумная молодежь толпилась на небольшой площади у часов на чугунном постаменте. Ведущая к ним пешеходная улица Баумана, освещенная яркими гирляндами, все еще не убранными после празднований Нового года, и светом бесчисленных магазинов и ресторанов, превратилась в бурлящий поток – люди, смеясь, разговаривая, шли в обоих направлениях. Парочки, обнявшись и шепчась, медленно прогуливались, не обращая ни на кого внимания. Все остальные расступались, пропуская их. У дверей магазинов на сплюснутых картонных коробках сидели нищие и просили милостыню, но молодежь, слишком веселая и беззаботная, редко смотрела под ноги, чтобы увидеть протянутую руку с пластиковым стаканчиком для пожертвований и опустить в него монетку.

Надя огляделась. Где же он? Неужели не дождался и ушел? Она взглянула на большие часы – без пяти минут шесть. Нет, все нормально, это она пришла раньше. Так хотела его увидеть. Ну, ладно, хотя бы есть время отдышаться.

Пять минут седьмого – его еще нет. Надя импульсивно поджала похолодевшие пальцы ног. Ну, где же он? Как можно заставлять девушку ждать? В сердце закралось сомнение. Да нет же, что за глупости! Наверно, автобус задержался.

Пятнадцать минут седьмого. Надя проверила телефон. Не звонил. Если что-то случилось, он мог бы предупредить. Что делать? Ждать дальше или уйти? Она открыла список последних вызовов в телефоне.

– Привет! Ты дома?

В трубке раздался спокойный красивый голос:

– Привет! Да, с мамой чай пьем. Все хорошо?

– Слушай, я тут стою на улице, а его все еще нет, – сказала Надя севшим голосом.

– Может, с автобусом что-то? Давно ждешь?

– Да, уже на пятнадцать минут опаздывает, я задрогла вся.

– Странно. Ты не звонила ему?

– Нет, не звонила. Он же опаздывает, почему я должна звонить? Алин, за что он так со мной? – Надя ощутила ком в горле. Ну вот, еще не хватало расплакаться на улице.

– Не знаю, Надюш, – выдохнула Алина. – Он такой, – она подумала, выбирая слово, – непредсказуемый.

– Алин, – тихо сказала Надя, – можно я к тебе приеду? Я маме сказала, что к тебе иду.

– Конечно, приезжай! Какие разговоры!

Неожиданно в трубке раздался гудок. Надя отняла телефон от уха и, взглянув на экран, увидела параллельный входящий звонок. Роберт. Она ахнула и закусил губу. Смешанное чувство радости и злости охватило ее.

– Алин, я перезвоню! Алло? – голос Нади предательски задрожал.

– Привет, Надь, слушай, – Роберт прочистил горло, – я не приду.

– Да ладно? А раньше не мог позвонить? – Надя сорвалась на крик. – Эгоист проклятый! Я тебя уже полчаса жду! Я маму из-за тебя обманула!

– Ладно тебе, Надь, – в голосе Роберта послышалось недовольство, – не злись. Ну, не смог раньше позвонить, дела были, – он помолчал, – семейные. Понимаешь?

– Я тебе не верю! Если бы хотел, нашел бы возможность! Не хочу тебя больше слышать! – Надя с силой нажала на кнопку, и разговор прервался. Она швырнула телефон в сумку, села на сугроб и, закрыв лицо руками, разревелась.

– Хочу, хочу слышать! – шептала она сквозь слезы. Словно тысячи иголок вонзились в самое сердце, еще совсем недавно танцующее в предвкушении счастья. – Ненавижу тебя, придурок! И жить без тебя не могу!

Если бы он позвонил снова, она не бросила бы трубку, а простила его и дождалась, если бы он пообещал, что сейчас приедет. Но сказанного не воротишь, а звонить сама она не станет. Она скорее умрет, чем сломит свою гордость. Слезы горячими струями текли по щекам, плечи резко вздрагивали от всхлипываний.

– Девушка, у вас все хорошо? – услышала Надя женский голос над головой.

– Да, да, – быстро ответила она, не поднимая лица, – все нормально.

– Ну, ладно, – неуверенно сказала женщина, немного помедлила и пошла своей дорогой.

Это небольшое событие отвлекло Надю и немного привело в чувства. Она посидела еще минут десять, пока совсем не успокоилась, и полезла в сумочку за зеркальцем. Отражение было не самым привлекательным: черные полосы туши спускались от опухших глаз к самому подбородку, нос покраснел, губы стали чуть ли не вдвое больше. Она достала платочек и утерлась. Холодный снег начал напоминать о себе сквозь шубку. Сидеть здесь дальше не имело смысла.

Глава 6. Деревня

Высокая, вровень забору, голубая калитка со скрипом отворилась, и навстречу Перовым спешно вышла пожилая, немного полная, невысокая женщина шестидесяти пяти лет, с собранными в пучок седыми волосами, одетая в простое цветастое платье с теплой кофтой поверх него. На ногах – хлопковые чулки, вязаные носки и галоши. Она прослезилась, увидев долгожданных гостей, и первым делом направилась к Наде.

– Бабушка! – внучка бросилась в раскрытые для объятия руки.

– Здравствуй, золотце, – бабушка, потянувшись на цыпочках, поцеловала девушку в лоб, и ее морщинистое лицо просияло радостью. – Как выросла, моя красавица!

– Здравствуйте, мама, – сказала Лариса Андреевна. Она улыбнулась свекрови, словно минуту назад не было никакого конфуза с Масловым. – Как вы себя чувствуете?

– Все хорошо, милая, проходите в дом, – ответила Антонина Михайловна, погладив подошедшую невестку по плечу. – Ну, как добрались? Вас подвезли?

– Э! – Иван Анатольевич в сердцах махнул рукой, все еще злой на старого знакомого. – Привет, мама! – он взял по чемодану в каждую руку, быстро подошел к матери и на ходу чмокнул ее в пухлую щеку. – Как ты? – и, не дожидаясь ответа, направился к воротам.

Антонина Михайловна всплеснула руками и со вздохом улыбнулась Ларисе Андреевне, все еще стоявшей рядом.

– Вот так вот с сыновьями! Ни здрасьте тебе, ни до свидания. Ладно хоть невестка хорошая попалась!

Словно в подтверждение ее слов, Паша лишь кивком головы поздоровался с бабушкой и последовал за отцом с оставшимся багажом.

– Ну что вы, мама, это мне повезло с вами! – ответила Лариса Андреевна, смущенно опуская глаза.

– Да, бабуль! Ты у нас мировая тетенька! – Надя снова прижалась к бабушке. – Если бы не ты, я бы, скорее, повесилась, чем сюда приехала!

Еще немного пообнимавшись, женская половина семейства Перовых вошла во двор. Вечерние сумерки бесшумно затаились мягкими тенями в дальних углах у ограды и калитки в сад. В глубине большого двора, засаженного вдоль забора цветами, виднелись дощатый сарай, в котором когда-то жила корова, затем куры, а сегодня это была кладовка, и новая бревенчатая баня. За садовой калиткой возвышалось неопределенной формы строение – импровизированный летний душ с бочкой наверху, где собиралась в ненастье и нагревалась под солнцем дождевая вода. Тихо и умиротворяюще было вокруг. Откуда-то из сарая послышалось пение сверчка, и грусть неожиданной волной нахлынула на Надю. Вот как выглядит ее нерадостное будущее. Вот где похоронит свои молодые годы городская девчонка. Вот где скиснет и сгниет ее юность, а Роберт об этом даже и не знает. Хотя – Надя безрадостно хмыкнула пришедшей на ум мысли – если и узнает, то ничего не сделает. Он просто найдет себе другую девушку. Красивую, веселую, а главное – городскую.

Пройдя во входную дверь, Надя оказалась в темных сенях. На полу в ряд стояли шлепанцы и галоши, а на прибитых к стене гвоздях висели садовые халаты, плащ, куртка в заплатках – все, что бабушка использовала для работы в огороде. Из сеней тяжелая деревянная дверь вела в просторную прихожую, из которой в разные стороны выходили двери: налево – в зал, прямо – в две спальни, направо – на кухню, откуда вкусно пахло выпечкой, и доносились звуки радио. После долгого пути и по-вечернему прохладной улицы приятно было оказаться в теплом и уютном доме.

– Паша, ты, как всегда, в зал, – сказала Антонина Михайловна, пропуская детей вперед, – диван в твоём распоряжении.

В комнате царила идеальная чистота. Белые тюлевые занавески легкой вуалью покрывали окна, старинная мебель была расставлена по периметру вокруг большого прямоугольного коричневого в цветочек ковра. На журнальном столике между двумя креслами выстроились семейные фотографии в рамках, рядом стоял темный бархатный диван, напротив которого, на простой деревянной тумбочке с одной дверцей, восседал пузатый телевизор. Над ним, на стене между окнами, висела свадебная черно-белая фотография молодых Антонины Михайловны и ее покойного мужа Анатолия Павловича.

Паша поставил свой чемодан в угол между шкафом со сплошными дверцами и «стенкой», в которой за стеклянными дверцами аккуратно хранились сверкающие чистотой чайные сервизы и наборы хрустальных бокалов и салатниц различной величины, и с разбегу прыгнул на диван. Затем нашарил пульт и включил телевизор. На экране возникла молодая симпатичная женщина, передающая вечерние новости. Бабушка с добродушной укоризной взглянула на внука, как на несмышленного щенка, вбежавшего в дом с грязными лапами после прогулки в дождливый день.

– Как же твои экзамены, Павлик? – спросила она.

– Фигня, осенью пересдам, – ответил Паша, пожав плечами.

– И отец тебе позволил? – Антонина Михайловна перевела полный сомнения взгляд на Ларису Андреевну.

– А у него выбора не было. Мы же с квартиры съехали, а в общагу на две недели меня никто не поселит. Если только зайцем у друзей приютиться. Короче, ба, не парься, сдам я, – Паша беззаботно подмигнул бабушке, на что она лишь развела руками.

Иван Анатольевич отнес чемоданы в спальню и вслед за всеми вошел в зал. Не говоря ни слова, он направился к окнам и резкими движениями поправил занавески. Затем отступил на пару шагов и, придирчиво осмотрев их, разгладил рукой, выравнивая, и вернулся к остальным.

– Сойдите с ковра, – сказал он командным голосом матери, жене и дочери.

Надя закатила глаза, понимая, что значит этот приказ, а Лариса Андреевна и Антонина Михайловна молча повиновались. Иван Анатольевич тут же с серьезным лицом наклонился и потянул ковер на себя.

– Вот так-то лучше, – сказал он сам себе, удостоверившись, что край ковра расположен точно параллельно половицам и, довольный, провел рукой по волосам.

– Ты опять за свое? – спросила Антонина Михайловна, покачав головой. Однако в ее голосе не было упрека. – Идемте-ка лучше ужинать.

Поздно вечером, когда мужская половина семейства Перовых, наевшись домашних пирогов с капустой и напившись горячего душистого чая, развалилась на диване перед телевизором, а Антонина Михайловна и Лариса Андреевна прибирали на кухне, Надя надела легкую куртку и вышла во двор. Было свежо, тихо и темно. В окнах соседнего дома горел свет, лишь немного развеивая мрак вокруг; у сарая притаились жуткие черные тени, а в сторону бани и смотреть не хотелось – настолько было страшно. На заборе у ворот, сверкая глазами, сидела кошка непонятного из-за кромешной темноты цвета и спокойно смотрела на девушку.

– Кис-кис, – позвала ее Надя. Наличие живой души рядом немного успокоило ее.

Кошка безразлично отвернулась. Надя сунула руки в карманы, глубоко вздохнула и запрокинула голову к небу. Каким волшебным оно казалось отсюда. Совсем не таким, как в городе, если не считать того вечера, когда они лежали с Робертом на тротуаре в центре Казани в их первое свидание. Свободное от газа и пыли, деревенское небо завораживало, манило своей глубиной. Оно как будто бы даже пахло ночными фиалками и на ощупь было густым и прохладным. Что, если и Роберт сейчас смотрит в небо? Видит ли он ту же звезду, что и она? Вот бы узнать, чем вообще он сейчас занят.

– Не помешаю? – Антонина Михайловна тронула внучку за плечо.

Надя от неожиданности вздрогнула.

– Ба, это ты! – она обернулась к бабушке. Та стояла совсем рядом, накинув пуховую шаль на плечи. – Конечно нет, как ты можешь помешать?

– Надюш, я хотела поговорить с тобой, – голос Антонины Михайловны звучал очень мягко, но уверенно.

– О чем? – Надя смутилась под пристальным взглядом бывшей учительницы: она словно бы сейчас стояла у школьной доски и с трепетом ожидала каверзного вопроса.

– Давай присядем на скамейку, – предложила Антонина Михайловна и с упоением вдохнула ночной прохладный воздух, – уж больно вечер хорош!

– Кому как, – девушка пожала плечами.

Минутное волнение отпустило Надю так же быстро, как и охватило, и бабушка с внучкой, пройдя по неосвещенной тропинке, вышли за ворота. У забора стояла простая деревянная скамья на двух поленьях. Невдалеке горел единственный на несколько домов фонарь, чей свет едва рассеивал мрак вокруг, а дальше лежала крошечная тьма, разгоняемая дальше по улице таким же одиноким тусклым фонарем. Глушь и тишь, скука смертная, и только желтые квадраты окон да голоса гуляющей молодежи вдаль говорили о том, что здесь все же живут люди.

Надя присела на скамью и поджала ноги. Сквозь тонкие джинсы ощущалась прохладная поверхность доски. Антонина Михайловна уселась рядом. С минуту обе молчали, одна – в сердцах ругая судьбу за злую шутку, другая – наслаждаясь тишиной.

– Ну, что, солнце, как дела? – вкрадчиво спросила пожилая женщина.

– Какие уж там дела, – Надя тяжело вздохнула. – Закончилась моя жизнь, так и не начавшись.

– Вот как? – медленно произнесла бабушка и с пониманием кивнула. – Что же теперь будешь делать до восьмидесяти лет?

Надя посмотрела на Антонину Михайловну, желая упрекнуть ее за неуместную шутку, но та выглядела совершенно серьезной.

– Бабушка, ты не понимаешь...

– Куда уж мне!

– Я серьезно, бабуль.

– Ну, надо думать. Ты лучше расскажи, что случилось, а там посмотрим, понимаю я или нет.

Надя сплела длинные пальцы между собой в причудливую буклю и закусила губу. Единственным, что волновало ее все эти дни, было расставание с Робертом, но после вопроса, заданного бабушкой, она поняла, что не хочет говорить об этом. Зато перед глазами возникла семья, их холодность по отношению друг к другу, непонимание, и жгучая горечь объяла сердце.

– Бабуль, скажи, всегда будет так больно? – Надя сжалась, скрестив руки на груди, словно от холода.

– Смотря как больно.

Надя взглянула на бабушку пронзительными, кажущимися совершенно черными в темноте глазами. Точно такими же, как у отца, отличавшимися лишь отсутствием очков.

– Ну так, что внутри все сжимается, и кажется, что вот еще чуть-чуть – и умрешь.

– Нет, солнце, со временем ты научишься относиться ко всему спокойнее, – Антонина Михайловна обняла Надю за плечи и только тут заметила, как та дрожит.

– Иногда мне кажется, что ты одна на всем свете меня понимаешь, – Надя прижалась к бабушке и положила голову ей на плечо. – Если бы не ты, я предпочла бы вырасти в детдоме.

– Что ты такое говоришь, Надя? – Антонина Михайловна слегка тряхнула ее за плечи. – Вот тут уж ты сама не понимаешь, чего болтаешь!

– А что, разве ты не видишь? Они же совершенно сухие! Я трачу столько сил на то, чтобы докричаться до них!

– Ну, иногда нужно гораздо больше сил, чтобы промолчать, как ты считаешь?

– Ух, бабушка, тебя не переспоришь, – Надя отвернулась, закусив губу, но через мгновение снова взглянула на женщину. – Они же не умеют любить. Маме вообще все равно, где я и что делаю. Папу, кроме ровных занавесок и чистых окон, больше ничего не волнует. А про Пашку я вообще молчу. Повезло же с таким чурбаном в одной семье родиться!

– Ты ошибаешься, Надя, – Антонина Михайловна прислонилась спиной к забору. – Если они не похожи на тебя, это не значит, что они тебя не любят. Просто не могут это показать так, как тебе этого хотелось бы. Не осуждай их. Ты же не знаешь, что привело их к тому, какие они теперь.

– Так почему они мне не говорят об этом? Я же готова их выслушать! Но у нас дома всегда говорят либо о еде, либо о погоде. Ну, или папа рассуждает о политике и несправедливости мира, – она сделала жест рукой, словно оратор перед публикой, и состроила серьезную гримасу. – А мама молчит и смотрит в пол. Как будто у них внутри все сгнило и вообще никаких эмоций не осталось!

– Не всем легко открыть свою душу, Наденька. Тем более, своему ребенку. Кому хочется выглядеть слабым в глазах того, кто сам меньше и слабее? И ты поймешь все это в свое время.

– Сомневаюсь, – ответила Надя и, опустив глаза, стала ковырять шлепанцами землю под скамейкой. – В другой жизни, наверно. А в этой мне суждено сгинуть в этой дыре.

– Какая же это дыра? – наигранно возмутилась бабушка. – Мы здесь с твоим дедом столько лет прожили рука об руку и были очень счастливы, между прочим. Знаешь такую поговорку? Не место красит человека, а человек – место, – она запрокинула голову и мечтательно посмотрела на небо. – Люблю эту тишину! И твой дед Толя, земля ему пухом, тоже любил. Помню, он часто повторял, что черпает силы и энергию от земли. Мол, стоит только дотронуться или встать босой ногой, как тут же усталость как рукой снимает и хочется жить. А вот город, наоборот, обесточивает. Ни тишины там тебе, ни чистого воздуха. Одна беготня, да усталые лица вокруг.

– Да здесь же скучно до тошноты! А в городе столько всего! Вышла из дома – и одни развлечения вокруг. Не надо в огороде батрачить, все в магазине можно купить и не париться.

– Скучно, потому что хочется всего и сразу. А когда этого нет, начинаешь страдать. Но запомни, Надя, душа не в развлечениях развивается, а в труде.

– Ба, ну какая душа? – перебила бабушку Надя. – Вот стану старой, подумаю о ней. Мне же всего четырнадцать! Мне нужны развлечения! Или ты хочешь меня в монастырь загнать, нацепить черное платье до пола и платок на голову? – Надя неожиданно рассмеялась, представив себя в новом образе.

– Ну, уж нет, – Антонина Михайловна замотала головой и тоже засмеялась. – Тем более лето на дворе. Будут тебе и развлечения и приключения, вот увидишь!

– Приключения? – Надя хмыкнула. – Ну, это ты загнула, конечно.

– А что? У нас здесь много молодежи. Кто-то на лето приезжает, да и своих полно. Ко мне всю зиму ходят ребята по математике заниматься. Мне и на пенсии отдохнуть времени нет.

– Так ты тут подрабатываешь втихаря? – Надя шутливо ткнула бабушку локтем в бок.

– Надь, честное слово, обижусь! – Антонина Михайловна так же шутливо нахмурила брови. – Бесплатно ходят. Я ж одна тут. Вы далеко. А с ними у меня смысл жизни появляется. И голову в строю держать помогает. Глядишь, старческого маразма не будет, – она улыбнулась. Затем неожиданно серьезно добавила: – Нам с твоим дедом Бог одного только Ваню дал, а я все мечтала о четверых. Но не вышло. Так что любимым детям: своим, чужим, дверь всегда открыта, – женщина грустно вздохнула и перевела затуманенный взгляд на мотыльков, кружащихся в свете уличного фонаря.

Надя мельком взглянула на бабушку и по печальным, задумчивым глазам поняла, что та мыслями унеслась далеко в прошлое, в те времена, когда муж ее, любимый Анатолий, был жив. Они дружили с малых лет. Парнем и девушкой гуляли за ручку, бегали купаться на реку. А

потом Анатолия забрали в армию. Он служил под Казанью, а Антонина его ждала. Потом они поженились, а когда родился Иван, переехали в Ульяновск. Там прожили довольно долго. А оттуда по долгу службы Анатолия переехали в Казань. Антонина во всем поддерживала мужа, была ему верной попутчицей и другом. Работала то в одной, то в другой школе учительницей математики. По законам военной службы Анатолий рано вышел на пенсию, и они вернулись в родное Абдулково. Вся деревня завидовала их счастью. Они не ругались, дружно и с усердием работали, как и в молодости, выходили гулять по вечерам под ручку. Люди много толковали о них, не понимая, как можно жить так мирно, когда вокруг такая разруха, бедность, разваливающийся колхоз, отсутствие дорог и газопровода. Подслушивали под забором, не донесутся ли звуки ругани, а то и пьяной драки. Однако, к всеобщему сожалению, ничего подобного в доме Перовых не было и в помине.

– Что-то я замерзла, – вдруг сказала Антонина Михайловна, поежившись. Она быстро растерла ладони и звонко хлопнула ими по коленям. – Пойдем в дом, а? Я чаю приготовлю.

– Идем, – помедлив, ответила Надя.

После разговора с бабушкой ей стало намного легче. Как после молитвы, когда душа окутывается целительным теплом. Даже тело расслабилось, и захотелось прямо сейчас очутиться в пижаме под теплым одеялом, уткнуться лицом в мягкую пуховую подушку и просто забыться сном, простить всех, но наутро чтобы все было по-другому.

Глава 7. Крыло

Следующим утром Надя проснулась в хорошем настроении. Такого с ней давно не случилось, но, похоже, свежий воздух, тишина и душевный разговор с бабушкой помогли ей отлично выспаться и немного отпустить обиды и напряжение.

Она, как и в прошлые свои приезды, спала в комнате с Антониной Михайловной, где вдоль одной стены стояли две односпальные кровати – Надина ближе к двери, бабушкина – у окна, а вдоль противоположной – платяной шкаф, фамильный сундук с приданным и стул. Между Надиной кроватью и дверью, в самом изголовье, стоял комод с тремя широкими полками, на нем – извилистые подставки для бабушкиных бус и обитая тканью шкатулка для колец и сережек. Единственное окно, завешенное легкими цветастыми шторами, выходило в огород.

Ивану Анатольевичу с женой была отведена вторая спальня, а Паше – диван в зале.

Когда Надя проснулась, бабушки в комнате уже не было. Теплые солнечные лучи мягко освещали комнату, проникая сквозь чистое оконное стекло и ложась длинными золотистыми полосами на крашенный коричневой краской деревянный пол с двумя маленькими половиками у каждой кровати.

Откуда-то издалека донесся приветственный клич петуха. Девушка потянулась, сбросила с себя одеяло и встала. Босые стопы коснулись теплого дерева, и по телу пробежала приятная дрожь. Она убрала спутанные за ночь волосы за уши и, подойдя к окну, настежь раскрыла его. В комнату ворвался свежий утренний воздух, наполненный запахами трав, пением птиц и жужжанием пчел. Наде захотелось сейчас же снять с себя пропитанную сном голубую, в мелкий цветочек пижаму и переодеться во что-нибудь легкое, летнее, выйти в сад и подставить бледное, привыкшее к городской серости и пыли лицо жаркому солнцу. В этот момент из кухни послышался звон посуды и донесся сладкий аромат подогретого вчерашнего пирога. Надя, подняв руки, потянулась на цыпочках и зевнула.

– Ты уже встала? – Лариса Андреевна заглянула в комнату.

Надя обернулась и не без удовольствия отметила в матери ту же перемену, что произошла и с ней самой.

– Мам, как ты хорошо выглядишь! – она подбежала к женщине и крепко обняла ее. И вдруг поняла, как давно не делала этого.

Надя зажмурилась и неожиданно вспомнила, как в этой самой комнате много лет назад мать обнимала ее, маленькую девочку с большими, наивными, полными чистой веры в людей глазами. В то время Лариса Андреевна носила длинные волосы. Дома она собирала их в хвост, похожий на лисий, либо заплетала в косу. Но Наде больше всего нравилось, когда мама их распускала – мягкие огненно-рыжие локоны струились волнами чуть ли не до поясницы. А потом пришло еще более раннее воспоминание, похожее, скорее, на сон. Вот она, совсем еще малышка, сидит у мамы на руках, положив ей голову на плечо. Ночь. Мать, не включая света, стоит в зале у окна, занавешенного тюлем. По улице проехала машина, и свет фар медленно прошелся по комнате, удлиняя тени на полу и стенах.

– Идем завтракать, – мягко сказала Лариса Андреевна, и Надя, открыв глаза, увидела, как мама впервые за долгое время улыбнулась осознанно, искренне.

Тихая деревенская ночь и затем утреннее бодрое умывание над железной, выкрашенной в белый цвет, раковины с бачком для воды, приколочеными к стене дома со стороны огорода, удивительным образом подействовали на всех членов семейства Перовых. Даже Иван Анатольевич выглядел не таким напряженным, как в последние дни – смена обстановки, похоже, немного отвлекла его от мрачных мыслей о потере работы. А Паша, и до того не отличавшийся

особой серьезностью, здесь и вовсе почувствовал себя разнеженным котом, жизнь которого так или иначе приносила лишь наслаждение, несмотря на все проблемы и заботы хозяев.

После завтрака Надя решила прогуляться по деревне. Она тихо вышла за ворота, стараясь не привлекать внимания домашних. Бабушка, хоть и была ее советчицей и союзницей, все же не упустила бы шанса загнать ее в огород с утра пораньше и нагрузить работой до самого обеда. Да и Пашка, едва позавтракав, давно уже сбежал на реку. Она-то хоть посуду за всеми помыла.

Оказавшись на улице, Надя с удивлением отметила, что и здесь царит оживление, хоть и отличное от городского: ребятня, приехавшая на лето, без опаски играла на улице в мяч; две старушки, сидя на скамейке и размахивая прутьями с привязанными на конце тряпками, пасли цыплят; трое мальчишек промчались по ухабистой дороге на велосипедах. Все это сопровождалось свистом, криками, смехом и щебетанием птиц в густых кронах садовых деревьев и старых лип, росших через дорогу от дома Перовых.

Июньское утреннее солнце светило ярко, но не пекло, а лишь приятно грело уставшее от долгих холодов тело. По высокому синему небу плыли легкие белоснежные облака, отбрасывая на землю рваные тени. Некогда асфальтированная дорога отдавала теплом и приглашала пройти по ней, обещая открыть секрет горизонта и покоя, таящегося за ним. Сочные травинки, те, что еще не попались в куриные клювы, плотно прижались друг к другу, переглядываясь и шелестя, словно вопрошая: что здесь делает эта грустная девочка в веселом сарафане?

Оглядевшись, Надя пошла наугад в направлении главной деревенской площади у дома культуры, что находилась на соседней улице Ленина. Оставшись наедине со своими мыслями, она снова вспомнила о Роберте, и в очередной раз грудь сдавила боль. Надя помрачнела. Даже смена места не помогла вытеснить из головы грустные мысли об этом, казалось бы, родном и одновременно чужом человеке. Девушка шла по улице, крутя в руках мобильник. Сколько раз уже она бросала взгляд на экран, надеясь увидеть пропущенный звонок или новое сообщение. Ничего.

Неожиданно внимание ее привлек стремительно приближающийся звук копыт. Она резко обернулась и, вскрикнув, отскочила на обочину дороги, чуть не упав в канаву. Мимо, поднимая клубы пыли исполинскими копытами, проскакал огромный вороной конь. Верхом на нем сидел парень лет пятнадцати. Из всей одежды на нем были лишь шорты до колен. Его слегка выющиеся пышные каштановые волосы, достигающие до середины шеи, развевались на ветру в такт движениям лошади.

– Осторожно! – крикнул он и потянул за поводья, пытаясь остановить коня.

– Сам осторожнее! – крикнула в ответ Надя сорвавшимся голосом. Сердце все еще колотилось в горле от испуга.

Парень направил успокоившееся животное к девушке и ловко спрыгнул с седла. Он был невысокого роста, но все же выше нее, стройного, но в то же время крепкого телосложения, загорелый – видно, часто проводил время на солнце. Он окинул быстрым взглядом Надю с ног до головы. На секунду его серые глаза задержались на коротком желтом сарафане, и он едва заметно улыбнулся.

– Ты кто такая? – спросил он без лишних церемоний.

Надя уставилась на него в негодовании. Как этот деревенщина смеет так с ней разговаривать?

– Тебя манерам не учили? – резко ответила она вопросом на вопрос. – Здраваться не умеешь?

– Городская, что ли? – он усмехнулся, снова разглядывая ее маленькую сумочку через плечо и босоножки с пайетками.

– Ну, городская, и что? – ей вдруг стало неловко от этого взгляда.

– Хочешь на Крыле прокатиться, городская? – парень кивнул в сторону коня и протянул Наде руку, будто был уверен в ее согласии.

– Может, представишься сначала? – Надя поймала себя на мысли, что весь их диалог состоит из одних вопросов.

– Никита. Башаров. А тебя как звать?

– Башаров? Как актер? – девушка хмыкнула. – А я Надя. Перова, – она сощурила глаза, – и я не собираюсь кататься на лошади с незнакомым человеком.

– Как с незнакомым? – Никита изобразил искреннее удивление. – Мы же только что познакомились!

Надя испытующе взглянула на него. Было в этом парне что-то забавное и внушающее доверие. На секунду ей даже показалось, что они давно знакомы, еще с детства, будто ходили в один детский сад, а потом много лет не виделись. Никита все еще держал руку протянутой и лукаво улыбался.

– Хорошо, я спрошу по-другому, – сказала наконец Надя. – Куда мы поедем?

– Я покажу тебе одно место. Уверен, ты там еще не бывала! – он загадочно поднял вверх палец.

– Ха, сомневаюсь! – Наде становилось все веселее. – Я в этой деревне раз сто была уже.

– Спорим? – он хитро сощурился и с вызовом посмотрел ей в глаза.

– Спорим! – Надя усмехнулась и протянула руку в ответ.

Глава 8. Долгожданный звонок

Беспреданно одергивая короткое платье, Надя сделала несколько попыток взобраться на коня. Наконец, спустя десять мучительных минут, ей все же это удалось. Сконфуженная и покрасневшая, она обхватила Никиту обеими руками. Лошадь нетерпеливо переступала с ноги на ногу, и у Нади, не привыкшей к такому неустойчивому положению, да еще и на такой высоте, закружилась голова.

– Держись крепче и не смотри вниз! – предупредил Никита, почувствовав, как девушка покачнулась.

Цокот копыт раздавался в ушах Нади отбойным молотком. Она зажмурилась и прижалась лбом к теплой спине парня. Никита не торопил коня, и тот, мерно покачиваясь, как верблюд в пустыне, побрел по улице.

Постепенно Надя привыкла к монотонным движениям лошади и, открыв глаза, поняла, что даже не заметила, как они оказались на краю деревни.

– Ты не из здешних, правда? – осмелев, громко спросила девушка, когда последние дома остались позади.

– Нет, я приехал к родственникам на лето, – крикнул Никита, слегка повернув голову назад.

– А откуда ты?

– Из Уфы. Бывала там?

– Нет.

Лишь спустя некоторое время Надя поняла, как неприлично должна выглядеть со стороны: молодая девушка сидит на коне, растопырив ноги в коротком сарафане и обняв обнаженный торс едва знакомого парня. Отца бы точно хватил удар от такого зрелища! Тем не менее, новые ощущения начинали ей нравиться. Солнце грело бока животного, и сидеть на теплом шелковистом крупе оказалось довольно приятно. Ветер обдавал свежестью лицо и трепал распущенные волосы.

Никита ловко правил. Казалось, конь был его продолжением и, словно тело кентавра, слышал мысли парня и легко повиновался. Дух свободы мало-помалу передался Наде, как заразная болезнь.

По обе стороны от грунтовой дороги раскинулись поля, поросшие молодыми побегами пшеницы. У края обочины, вытянув головки к солнцу, красовались васильки и ромашки. Назойливые мухи преследовали наездников: они садились на голые икры и плечи и, несмотря на движение лошади, ухитрялись лезть в лицо, щекотать нос и уши.

– Долго еще? – крикнула Надя через некоторое время.

– Уже подъезжаем! Видишь вон те деревья? – парень указал рукой в направлении рощи. – Вот как раз за ними.

Надя взглянула на рощу и вдруг словно очнулась. Зачем они туда едут? Что там, за этими деревьями? Она стала испуганно оглядываться. Ни одного дома нет в зоне видимости, дорога пустынна, вокруг ни души. А что, если он нарочно заманил ее? И вообще, что это на нее нашло? Она никогда не вела себя так бездумно. Вот так просто поехать неведомо куда с незнакомым парнем! Не предупредив никого. Постой, ведь у нее в сумочке телефон!

Все еще держась за Никиту одной рукой, другой она потянулась в сумку. Нашарив мобильник, она быстро вынула его и нажала кнопку последних вызовов, но лишь тут заметила, что нет охвата сети.

«Тихо, без паники» – сказала она себе мысленно.

– Ты что там делаешь? А ну, держись обеими руками! Мне тебя еще живую обратно везти! – крикнул через плечо Никита.

Надя поджала губы и в сердцах бросила телефон обратно в сумочку.

Через минуту они оказались на краю поля, однако от рощи его отделяла довольно широкая невспаханная полоса, поросшая густой, некошеной травой. Дорога резко поворачивала вправо, огибая кромку леса на некотором расстоянии, словно опасаясь подойти ближе. Тем не менее, Никита смело съехал с нее и направил коня в самую гущу деревьев. Тоненькие березки робко прятались одна за другой, высокая сочная трава мягко стелилась под тяжелыми копытами Крыла, а ветер совсем затих. Проехав метров сто, ребята оказались на краю крутого спуска, резко уходящего глубоко вниз. Огромный овраг, противоположный склон которого едва виднелся вдаль, а дно скрывалось в густом тумане, лежал бескрайней и бездонной пропастью. Надя ахнула и широко раскрыла глаза от удивления. Она и не подозревала, что в окрестностях деревни есть такие красивые места.

– Ну, что? Не была ты здесь? – спросил Никита тихо, остановив коня.

И только тут Надя заметила, какая невообразимая тишина стоит вокруг. Ни шелеста листьев на ветру, ни пения птиц. В ушах звенело, словно в зимнем лесу в безветренную ночь. И лишь дыхание лошади доносилось до слуха глухим, не оставляющим эха, звуком, точно в маленькой комнате без окон.

– Нет, – так же тихо ответила Надя. – А где мы?

– Ну вот, а говоришь, что была в деревне сто раз! – усмехнулся Никита. – Название Немой овраг тебе о чем-нибудь говорит?

У Нади холодок пробежал по спине. Обезумевшими от страха глазами она оглядела овраг.

– Ты с ума сошел?! Сюда же нельзя ни одной живой душе приближаться! – Перова не заметила, как с силой прижалась к спине Никиты. – А ну, вези меня обратно сейчас же!

– Ты что, правда веришь в эти байки? – парень, как смог, обернулся к ней.

– Ты не слышал о Кольке Хромом? – яростно прошептала Надя, боясь издать лишний звук.

– Ну и трусиха! – засмеялся Никита и, разжав ее руки, спрыгнул на землю.

Надя чуть не потеряла равновесие и с силой вцепилась в тело Крыла, который тут же почувствовал нервное прикосновение и сердито зафыркал.

– Ты что делаешь, идиот? – зашипела Надя, округлив глаза.

В глазах Никиты мелькнуло безумие. Он стал спиной к оврагу и сделал шаг назад. В этой невыносимой тишине Надя слышала, как колотится ее сердце. Казалось, оно прыгало от живота до горла и от плеча к плечу.

– Ты бы видела свое лицо, – Никита расхохотался во весь голос, указывая на нее пальцем. Его смех, как и дыхание Крыла, не разлетелся по роще, а словно завис в воздухе. – Ладно, поехали, пока ты тут от страха не окочурилась, – сказал он, перестав смеяться, и вернулся к лошади.

Всю дорогу до дома Надя дрожала. Что такого было в этом жутком месте, о котором она столько слышала еще с детства, но ни разу не удосужилась спросить, где именно оно находится? Одно лишь она знала наверняка: ни один местный житель в здравом уме не отважился бы подойти близко к оврагу. Так вот почему край поля не засеян – даже трактористы не рискуют подъезжать туда на своих крепких железных конях. Немой овраг... Чертова дыра, как еще называют овраг в деревне. Он и вправду чертов! Это Надя почувствовала кожей.

Несколько раз Никита попытался завести разговор на отвлеченные темы, но девушка упорно молчала, поджав губы. Когда ребята подъехали к воротам дома Перовых, Никита первым спрыгнул на землю и подал Наде руку, однако она, гневно сверкая глазами, проигнорировала его. Неуклюже свесив ноги с коня и скатившись по округлому корпусу, она плюхнулась на дорогу. Затем грубо оттолкнула протянутую руку парня и, не прощаясь, убежала в дом.

– Надя, где ты была? – строгим голосом спросил отец, когда, сняв помявшийся сарафан и переодевшись в шорты и майку, она вошла в зал. Иван Анатольевич сидел в кресле под окном, закинув ногу на ногу, и пальцем проверял наличие пыли на рамках с фотографиями, что стояли на журнальном столике. Затем он поправил очки донельзя педантичным жестом и внимательно пригляделся к кончику пальца. Результат, по всей видимости, удовлетворил его – он довольно хмыкнул и, наконец, посмотрел на дочь.

Надя ответила ему пристальным взглядом таких же карих глаз, с той лишь разницей, что у нее они горели эмоциями после пережитого страха, а у него если что-то и блеснуло в них, то это было не что иное, как лед.

– В Немом овраге, – ответила девушка, зная, что он все равно не поверит, и не ошиблась.

– Тебя бабушка обыскала. Работы полно, а ты, как всегда, отлыниваешь, – надменно произнес он. – Иди матери помоги на кухне. Будем обедать.

Надя просверлила отца желчным взглядом и молча вышла из зала. Вернувшись в свою комнату, она взяла телефон и автоматически взглянула на экран. Пропущенный вызов от Роберта! Надя подскочила. Не может быть! Сколько дней прошло? Десять? Больше? Палец машинально нащупал кнопку вызова, но в последний момент замер в нерешительности.

Она глубоко и с шумом вздохнула, забралась с ногами на кровать и уселась на подушки. Нет, она не будет звонить сейчас. Лучше подождет. Глядишь, сам перезвонит.

Прошла минута. Надя все так же гипнотизировала экран телефона, словно пытаюсь через него передать свои мысли на расстоянии. Роберт непременно должен почувствовать это, уловить взволнованный ритм ее сердца.

Прошло пять минут. Может, все же набрать самой? От напряжения запульсировало в висках. Ну как она могла пропустить его звонок? Столько ждать и в самый нужный момент упустить его!

– Надюш, идем обедать, – раздался из-за кухонной двери голос матери.

Обедать? Да разве сможет она съесть что-нибудь теперь? Меньше всего сейчас хотелось идти на кухню и притворяться спокойной. Все ее внимание сконцентрировалось на телефоне, но он предательски молчал, а пальцы так и чесались нажать кнопку вызова.

– Ладно, пойду пообедаю. Может, успокоюсь немного, – сказала она себе, встряхнув волосами.

С трудом заставив себя разжать пальцы, Надя положила телефон на кровать и вышла из комнаты. Но через мгновение вернулась и проверила экран. Как и следовало ожидать, никаких новых звонков за прошедшие несколько секунд не было, и Надя в нерешительности снова повертела мобильник в руках. Затем, подумав, включила громкость звонка на полную мощь и вышла, оставив дверь открытой. Однако секунду спустя вернулась снова и взяла телефон с собой. Она знала, что строгие правила главы семьи запрещают пользоваться гаджетами за столом, и отец, конечно, будет ругать, если ей позвонят во время еды, но да ладно. Не впервой. Сегодня этот риск оправдан.

Вся семья собралась на кухне. Иван Анатольевич, как всегда, сидел во главе стола и с видом начальника наблюдал за остальными. Он никогда не занимал руководящей должности на службе, хоть и считал себя человеком амбициозным и достойным управлять коллективом. Поэтому дома он не упускал возможности воплощать в жизнь все свои нереализованные мечты. Справа от него, словно главный советник, сидел Паша, хотя парню больше подошла бы роль придворного шута. Согнувшись, как вопросительный знак, и поставив локти на стол, он скучающим взглядом следил за приготовлениями женщин. Лариса Андреевна, в домашнем цветастом халате и шлепках, с заколотыми парикмахерскими прищепками короткими рыжими волосами, разливала горячий борщ по тарелкам. На спокойном лице ее, как всегда, была смиренная улыбка, без которой редко кто ее когда-либо видел. Антонина Михайловна уверенными движениями разрезала свежиспеченный ароматный хлеб. Кусочки его хрустящей корочки

разлетались в разные стороны, под напором большого кухонного ножа. Пахло лавровым листом и свежей зеленью, которую Лариса Андреевна щедро нарезала в тарелки с супом. За большим окном в белой раме росла вишня, и лучи полуденного солнца проходили сквозь ее ветви и наполняли комнату причудливыми тенями шевелящихся на легком ветру листьев.

Оглянувшись на отца и удостоверившись, что тот занят выравниванием столовых приборов, Надя украдкой положила телефон на столешницу кухонного гарнитура. Затем она подошла к матери и машинально схватила по тарелке в каждую руку, но вдруг вскрикнула и со стуком поставила их обратно на стол, расплескав часть супа. Горячая керамика больно обожгла кожу.

– Наденька, ты в порядке? – бабушка быстро отложила нож и подошла к внучке.

– Да она голову потеряла после свидания, – насмешливо произнес Паша.

Надя бросила на брата уничтожающий взгляд, и тот моментально замолк.

Когда все сели за стол и принялись есть, в кухне, наконец, воцарилась гармония вызывающих аппетит звуков: звон ложек в тарелках, прихлебывание и причмокивание, разламывание хрустящего хлеба. Надя, на минуту оторвавшись от трапезы, постаралась придать своему голосу как можно более спокойный тон и спросила:

– Бабушка, помнишь, ты как-то рассказывала о Немом овраге?

– Ну, – просто ответила Антонина Михайловна.

– Расскажи еще, а? Где он находится?

– Что еще за разговоры за столом? – строго произнес Иван Анатольевич с набитым ртом, тщательно разжевывая большой кусок мяса.

– Зачем тебе это? – бабушка с подозрением посмотрела на внучку и отложила ложку.

– Да она хочет желание загадать, чтобы ковбой в нее влюбился, – Паша подмигнул сестре и снова засмеялся.

– Какой же ты дурак, Пашка, – прошипела Надя, готовая испепелить его взглядом. Потом с недоумением посмотрела на бабушку: – О чем это он? Там что, можно желания загадывать?

– Павел, не мели чепуху! – строго сказала Антонина Михайловна.

– Дети, ешьте суп, остынет же, – Лариса Андреевна придвинула корзинку с хлебом к сыну.

– Дети? – с сарказмом произнес тот. – Мне вообще-то семнадцать лет уже!

– А раз такой взрослый, так и веди себя по-взрослому! – сказал Иван Анатольевич. – Нечего сестре голову морочить всякой ерундой. И прекратить разговоры!

– Да и пожалуйста! – Паша схватил толстый ломоть хлеба, с силой откусил большой кусок и принялся хлебать борщ.

– Бабушка, так это правда? – не унималась Надя, пропустив приказ отца мимо ушей и пристально посмотрев в глаза Антонине Михайловне. – Про желания? Почему же тогда никто не ходит туда?

Бабушка открыла рот, чтобы ответить, но не успела – ее опередил резко и пронзительно запищавший мобильник.

Надя, словно ужаленная, вскочила и, бросив ложку в тарелку и забрызгав скатерть супом, выбежала из кухни, схватив на ходу телефон.

– Это что еще такое? – крикнул ей вслед Иван Анатольевич. – Надежда Ивановна, сейчас же вернись к столу!

Но Надя уже бежала в сени, зажав в руке мобильник с заветным именем на экране.

Глава 9. Колька Хромой

- Аллю, – ответила Надя так тихо, что сама себя едва расслышала.
- Привет, Надь, – любимый и такой долгожданный голос Роберта медом влился в ухо, и девушка поняла, что и вполтину не осознавала, как сильно по нему соскучилась.
- Привет, – Надя толкнула входную дверь в темных сенях и вышла на освещенный двор.
- Как дела? – просто спросил парень, словно они разговаривали только вчера.
- Нормально, мы в деревню переехали, – с наигранным спокойствием ответила Надя. Она вошла в сад и теперь шла по дорожке, петляющей между грядок с душистым укропом и цветущей клубникой.
- Да, – Роберт замаялся, – я знаю. Мне Алина сказала.
- Так это она попросила тебя позвонить? – Надя остановилась.
- Да нет, я сам. Видишь ли, – он прочистил горло, – я просто думал сделать небольшой перерыв. Я не хотел, чтобы все так закончилось, – он немного помолчал, а потом заговорил быстрее, будто оправдываясь: – Я же не знал, что вы уедете.
- Ну, хотел не хотел, а все именно так и закончилось. Мы не вернемся в Казань, – сказала Надя и едва удержалась, чтобы не расплакаться. Ком подступил к горлу, и девушка прикрыла рот рукой, чтобы не выдать взволнованного дыхания.
- Мне жаль, правда, – тихо произнес Роберт. – Я соскучился.
- Правда? – Надя улыбнулась и все же заплакала. – Почему тогда столько времени не звонил?
- Ну, не знаю, Надь. Значит, так должно было быть, наверно, – он вздохнул. – Расскажи-ка мне лучше о себе. Как тебе там?
- Да как тут может быть? – воскликнула Надя. – Отстой! На каникулы еще ладно, но жить! – она помолчала немного и грустно добавила: – Роберт, мы что, больше никогда не увидимся?
- Не знаю. Может, вы еще вернетесь, – неуверенно произнес парень. – Эх, Надька, если бы не твои придирки, не потеряли бы столько времени в спорах. Смогли бы увидеться перед отъездом, хоть попрощаться нормально.
- Ну да, конечно, я во всем виновата! – Надя всплеснула свободной рукой. – Это же я все время с друзьями тусовалась. Это же мне надо было постоянно дополнительно учиться, чтобы на юрфак поступить. Это же у меня не было времени встречаться с тобой...
- Надь, ты опять?
- Да, опять! Заладила одно и то же, достала бедного мальчика своими истериками, – Надя сорвалась на крик, но тут же испуганно покосилась на дом – не услышали бы родители. Она подошла к забору, выходящему на дорогу, и с силой ткнула одну из досок кулаком. – Ладно, Роберт. Я все поняла...
- Надь, ну не злись, ладно? Ну, прости! – в голосе парня послышалось сожаление.
- Надя прижалась лбом к шероховатой деревянной рейке, соединяющей доски забора, и снова заплакала.
- И ты меня прости! Мне так плохо здесь! Я сама не знаю, что говорю, – произнесла она, тихо всхлипывая и не замечая, что своей густой челкой преградила дорогу цепочке муравьев, бодро перебирающим лапками по рейке. Строй распался, и насекомые суетливо разбежались в поисках обходного пути.
- Не плачь, не надо. Надь, мне надо идти, – девушка отчетливо услышала, как какой-то парень позвал Роберта, и поняла, что он снова встретился с друзьями. – Я тебе позвоню, ладно? Целую!
- Да, звони, конечно, – ответила она, растирая слезы по щекам. – И я тебя. Пока.

В трубке слышались гудки, и Надя, как никогда прежде, осознала глубину безысходности и отчаянности своего положения. Она конвульсивно всхлипнула и вытерла нос рукой. Неужели все вот так и закончится? Больше никогда в ее жизни не будет радости. Больше никого она не полюбит так, как Его. Да ей и не хочется никого любить, пока Он живет на этом свете. В их любимой Казани, куда она больше никогда не вернется. Так и останется пропадать в этой дыре! Она зажмурилась и с невыразимой болью в груди вспомнила, наверное, самое счастливое из всех их свиданий...

– Надя! Я здесь! – голос Роберта доносился откуда-то сверху.

Надя запрокинула голову и увидела друга, машущего ей с крыши пятиэтажки.

– Иди сюда!

– Ты с ума сошел? – крикнула Надя и расхохоталась на весь двор. – Как ты туда забрался?

– Поднимайся на пятый этаж, я тебя там подожду! – услышала она в ответ, и Роберт скрылся из виду.

Надя сломя голову вбежала в темный подъезд и помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Она и не заметила, как четыре этажа остались позади, и вот девушка уже стоит на лестничной площадке пятого. Сверху, над самой головой, раздался скрип – посмотрев на потолок, она увидела открытую дверцу люка. В проеме показалась голова Роберта. Он широко улыбнулся и протянул руку. Надя, недолго думая, вцепилась в нее и полезла вверх по железной лестнице, привинченной к стене. Забравшись на плоскую крышу, она перевела дыхание. От быстрого бега стало жарко, на лбу выступили капельки пота. Девушка сняла красный берет и засунула его в карман черной куртки из искусственной кожи. Роберт смотрел на нее и смеялся. А Надя смотрела на него большими круглыми глазами и чувствовала всем сердцем некую важность происходящего.

– Идем, – крикнул парень и потянул ее за собой.

Надя послушно побежала за ним по черному смолянному покрытию, приглушающему звук шагов. У самого края крыши они остановились, и девушка с опаской взглянула вниз.

Стоял солнечный мартовский день. Весна уже всю гуляла по улицам, дыша на сугробы потеплевшим дыханием. Снега с каждым днём становилось все меньше и меньше, а то, что еще осталось, лежало грязными кучами в углах двора, под скамейками и вокруг детской площадки. Воздух был наполнен запахом влажной земли и звуками капли. В огромных черных лужах резвились довольные воробьи, а дворовые кошки, наоборот, ходили осторожно, на цыпочках, боясь замочить лапки. Покрытые толстым слоем грязи машины выстроились у подъездов, и на их стеклах красовались сердечки, выведенные пальцами романтически настроенных особ.

От нахлынувших чувств Надя не удержалась и звонко, во весь голос, закричала. Крик пронесся по всем углам двора, пугая птиц и привлекая внимание пешеходов. Она обернулась к Роберту. Глаза ее сияли.

– И часто ты здесь бываешь? – спросила она его, расплывшись в восторженной улыбке.

– Нет, в первый раз. Хотел тебя удивить, – он приблизился к ней вплотную. – Закрой глаза.

Надя опустила ресницы. Мгновение она ждала, что будет дальше и вдруг ощутила теплое, мягкое прикосновение к своим губам. Она открыла глаза и увидела лицо Роберта, такое спокойное и родное, совсем близко, как никогда раньше. Увидела его черные брови, черные ресницы. Он вдруг тоже открыл глаза, словно почувствовав ее взгляд, и Надя поняла, как безвозвратно погружается в глубину двух черных бездонных колодцев...

Поглощенная воспоминаниями, Надя все еще стояла, прислонившись лбом к деревянной перекладине забора и не замечая ни проехавшего по улице трактора, ни промчавшейся ребятни. Внезапно отчетливый звук прерывистого дыхания рядом с ее лицом заставил девушку очнуться от оцепенения. Надя медленно, словно только проснувшись, подняла голову и открыла глаза.

В следующее мгновение лицо ее исказила гримаса ужаса. Она вскрикнула и отпрыгнула в куст крапивы. Однако даже не почувствовала жжения на коже – все ее внимание было приковано к бледно-зеленому глазу, уставившемуся на нее в щель между досками забора.

– Вы что, обалдели? – крикнула Надя надломившимся голосом. – Я сейчас папу позову!

Незнакомец тяжело вздохнул и просунул в щель палец.

Наде стало не по себе. Судя по силуэту, который угадывался в расщелинах ограды, человек был взрослым. Скрипнула доска, и над забором медленно показалась голова – незнакомец поднялся на скамью.

На секунду девушке показалось, что она смотрит фильм про зомби – жидкие с проседью волосенки, бессмысленный, мутный взгляд, печальная полуулыбка... Надя словно приросла к земле, не в силах оторвать глаз от странного гостя, хотя здравый смысл настойчиво твердил: беги! Чего доброго, еще вздумает лезть через забор. Однако человек такого намерения не проявлял.

Надя замахнулась зажатым в кулаке телефоном.

– Вы меня слышите? Уходите!

– Ы-ы-ы, – с силой выдавил из себя незнакомец. Он всхлипнул и почесал затылок, взъерошив и без того лохматые волосы. Потом медленно слез со скамьи и, хромая, отошел к дороге.

Надя бросилась к забору и припала глазом к щели. Человек, облаченный в короткие штаны, серое до колен пальто и рваные кроссовки тихонько брел по улице, подволакивая одну ногу.

«Колька Хромой!» – мелькнуло в голове у Нади. Она с силой выдохнула, сбрасывая оцепенение, и только тут заметила жжение на ногах, уже покрывшихся волдырями.

– Черт бы побрал эту проклятую деревню! – крикнула она в сердцах и стала энергично растирать ноги ладонями.

Глава 10. Ларочка

Спустя неделю после приезда Перовых в деревню Абдулково Лариса Андреевна отправилась в магазин за продуктами. Теплый ветер кружил в воздухе вихри тополиного пуха, разносил по округе дурманящий запах цветущих полевых цветов, гнал по дороге мелкий сор, заглядывал под крылья разленившихся на солнце кур. И так же свободно он заигрывал с подолом простого темно-зеленого платья женщины: то заставит его прилипнуть к коленям, то, едва его хозяйка потеряет бдительность, поднимет до неприличия высоко, обнажая стройные ноги.

В родном мегаполисе Лариса Андреевна не выделялась из толпы – с ее скромностью и практичностью в выборе одежды было бы довольно сложно превзойти изощренную в вопросах моды молодежь. Но здесь, среди покосившихся заборов с некрашеными скамейками под ними, кучек гравия по краям пыльной грунтовой дороги, она выделялась, как огонек свечи в темной комнате, благодаря рыжему каре и темным очкам.

Лариса Андреевна быстро освоилась с жизнью в деревне. Впрочем, как и со всем, что преподносила ей жизнь. В школе она хорошо училась, потому что приличным девочкам так было положено. По нехитрому разумению родителей, ей незачем было строить карьеру, поэтому она поступила в училище на парикмахера. А жених ей был определен уже давно – отцы Ларисы Андреевны и Ивана Анатольевича – сослуживцы, дружили семьями. А невинная шутка по поводу свадьбы детей со временем стала делом решенным.

Ну, а то, что Лариса по молодости влюбилась в друга своего суженого – так с кем не бывает? Глупости! С глаз долой – из сердца вон. В семье любовь – не главное. А вот бурные страсти, наоборот, разрушили бы любой брак. Лариса Андреевна поверила родителям и, заглушив голос сердца, вышла замуж за Перова.

Была ли она счастлива? Посторонний человек незамедлительно ответил бы: да! Еще бы! Муж – образец порядочности: не пьет, не курит, по гаражам не сидит. Он даже футбол не смотрит! Не муж, а золото, одним словом. С таким любая была бы счастлива.

Однако живое сердце, пусть и привыкшее прятаться и притворяться спящим, нет-нет, да и давало знать о себе гулками толчками в груди, заставляя женщину просыпаться посреди ночи после очередного сна, в котором она, счастливая, в белом платье идет под венец с тем, кого предала. Предала их любовь. Предала себя. Она осторожно переворачивалась на другой бок, боясь потревожить спящего мужа участившимся дыханием; кусала подушку, чтобы не завывать от тоски; роняла немые слезы, с горечью вспоминая ушедшее время, когда все еще можно было изменить, но не хватило решимости сопротивляться воле родных.

Лариса Андреевна шла неспешным шагом по Южной улице, вдыхая аромат душистых трав. Теплое июньское солнце нежно грело все еще молодое и довольно привлекательное лицо женщины. Взгляд ее рассеянно скользил по бревенчатым домам с цветными ставнями, прятавшимся в густой зелени по обеим сторонам от дороги. На траве перед невысокой калиткой дюжина кур выклевывала рассыпанные хозяйкой зерна; впереди, гогоча и раскинув крылья, пробежала стая гусей; из-под высоких, плотно сколоченных ворот донесся лязг цепи и следом раздался хриплый лай. Столько жизни вокруг, но никого, с кем можно было бы перекинуться словом.

Лариса Андреевна дошла до перекрестка и свернула в проулок. Затем вышла на улицу Ленина и пошла в направлении школы, за которой и находился магазин. Разнообразия деликатесов в нем, конечно, не было, но все необходимое, к чему она привыкла, живя с Иваном Анатольевичем, имелось: хлеб, масло, молоко, колбаса, крупы, конфеты и печенье. Женщина достала кошелек и пересчитала деньги, выданные прижимистым мужем перед ее выходом из дома. Толстая продавщица в чепчике неохотно поднялась из-за прилавка и с видом человека, оказывающим небывалое одолжение, выложила на стол все, что попросила покупательница. Лариса

Андреевна заплатила и только повернулась к выходу, как неожиданно столкнулась лицом к лицу с Артемом Сергеевичем.

Она ахнула и сделала шаг назад. Он охнул и сделал шаг навстречу.

– Дай пройти, – тихо сказала Лариса Андреевна, не глядя на него.

– Какая приятная встреча! – Маслов улыбался, пытаясь поймать ее взгляд.

Она сделала шаг вправо – он за ней. Она влево – он туда же.

Лариса Андреевна сердито взглянула на мужчину и, к своему неудовольствию, заметила, что он стал еще симпатичнее, чем раньше. Она не разглядела его в тот день, когда он подвез их: поднять глаза на другого мужчину в присутствии мужа казалось непозволительной дерзостью. Но как же он изменился за эти годы! Стал крепче, мужественнее, немного шире в плечах, на лице появились небольшие морщинки, а в светлых вьющихся волосах – седые прядки, что, впрочем,нисколько его не портило. Только немного дерзкая улыбка и игривые голубые глаза остались прежними, манящими.

– Тебя подвезти? – Артем Сергеевич потянулся к ее пакету.

– Не надо, – Лариса Андреевна отдернула руку и, ловко обойдя его, выбежала из магазина.

Она сбежала по ступенькам и быстро пошла по дороге. Но не прошло и нескольких секунд, как Маслов догнал ее, схватил за запястье и резко развернул лицом к себе.

– Лара, что ты со мной делаешь? – он попытался обнять ее.

– Отпусти меня, Артем! Ты с ума сошел? Я замужняя женщина! – Лариса Андреевна чуть не задохнулась от возмущения. Она с силой вырвала руку, от чего пакет с покупками дернулся, дно его не выдержало, и продукты высыпались на землю. – Смотри, что ты наделал!

Она опустилась на колени, подтянув платье и едва сдерживая слезы. Артем Сергеевич присел рядом, достал из кармана пакет, ловко собрал в него продукты и протянул Ларисе Андреевне.

– Ты совсем не изменилась, Ларочка, – сказал он, заглянув ей в глаза. – Такая же красивая, как и прежде.

Женщина поднялась и взяла пакет с продуктами. Маслов встал вслед за ней.

– Нет никаких тогда, – произнесла она строго, глядя ему в глаза. – И Ларочки тоже больше нет. Есть только сейчас. А сейчас я мать двоих детей. Запомни это, пожалуйста, и больше не подходи ко мне на улице, – она равнодушно отвернулась и, словно потеряв к нему интерес, зашагала прочь.

Артем Сергеевич остался стоять неподвижно, глядя ей вслед. Веселое выражение его глаз, такое привычное для всех, кто его знал, вдруг стало задумчивым. Он словно состарился на несколько лет.

– «Но я другому отдана и буду век ему верна...», – прошептал он едва слышно, наблюдая, как женщина скрывается за поворотом.

Лариса Андреевна быстро шла, не оглядываясь, будто боясь преследования. И лишь дойдя до ворот своего дома, она обернулась в надежде увидеть Маслова, бегущего за ней. Однако его не было.

Сердце рвалось из груди от волнительного предчувствия грядущих перемен. Женщина до дрожи боялась, но вместе с тем и неосознанно, трепетно желала снова позволить себе любить. Любить человека, с которым когда-то мысленно связывала себя брачными узами, именно с ним она видела себя счастливой, открытой, раскованной. Именно он представлялся ей избавителем от навязанной родителями сдержанности и всеконтролирующей строгости Ивана.

От чего она бежит? Что ждет ее за этим забором? Спасение от ненужных, разрушающих эмоций? Мнимое спокойствие?

Лариса Андреевна отвернулась от ворот и выбежала на дорогу. Но тут же остановилась, испугавшись своей смелости. Что она скажет ему? Что скажет мужу, детям? Свекрови, в конце концов?

Она устало опустила плечи и побрела назад к дому. Привычка подчиняться, строгое воспитание и боязнь радикальных перемен на этот раз победили. Чтобы придать себе уверенности, женщина мысленно обозвала себя порочной, бесстыжей и еще множеством самых гадких слов и решительно схватилась за ручку калитки.

Дома ее уже поджидал Иван Анатольевич. Сидя в своем любимом кресле в зале с красным фломастером в руке, он изучал в газете колонку с предложениями о работе.

– Все купила? – спросил он, не поднимая глаз.

– Да, все, что ты просил, – тихо ответила Лариса Андреевна.

– Дай чек, – он протянул руку и, наконец, посмотрел на нее. – Лар, ты что такая красная?

– Разве? – она коснулась рукой щеки и неловко добавила: – Шла быстро, жарко. Вот сумка с продуктами. Чек внутри.

Иван Анатольевич отложил газету, встал и уже хотел было взять пакет из рук жены, как что-то словно щелкнуло у него в голове. Он резко обернулся и стал поправлять чехол кресла, сбившийся под тяжестью его тела.

Когда он снова обернулся к Ларисе Андреевне, на лице его играла удовлетворенная улыбка. Что-то больно кольнуло в груди женщины. Она вдруг осознала, какая бездонная пропасть лежит между улыбками этих двух, таких непохожих один на другого мужчин. Первый улыбался потому, что просто смотрел на нее как на красивый цветок. Второй – тому, что удачно подоткнул чехол. Муж ни разу в жизни, даже в молодости, когда они еще были женихом и невестой, не улыбнулся ей так, как это сделал Артем Сергеевич несколько минут назад.

– Так, что у нас тут, – деловито произнес Иван Анатольевич, доставая продукты из пакета и сверяя их с чеком. – А где наш пакет?

Лариса Андреевна задрожала. Она не привыкла врать, но теперь не видела иного выхода.

– Он порвался, – ответила она коротко.

Что ж, недосказать – не то же самое, что соврать.

Однако мужа такой ответ не устроил.

– А этот откуда? В чеке его нет, значит, ты его не купила.

– Э-э, пакет на улице порвался, – начала женщина, заикаясь, – этот мне одолжил... ли, одолжили, – поправилась она спешно. – Одна женщина... Она рядом проходила, и как раз мой пакет порвался, и все упало. А она дала мне свой.

Лариса Андреевна, как провинившаяся школьница, опустила глаза. Она была уверена, что если муж посмотрит на нее, то непременно поймет, что она ему солгала. Но Иван Анатольевич уже направился на кухню, любуясь новым пакетом и, похоже, думая лишь о нем.

Глава 11. Деревенская дискотека

Вечером того же дня Паша собрался прогуляться по деревне. Всю предыдущую неделю он страдал от отсутствия культурно-развлекательной жизни в виде дискотек и, наконец, дождался субботы. Он тщательно причесался и даже попросил бабушку погладить его вечно мятые штаны.

– Надька, ты в клуб пойдешь? – спросил он сестру, придирчиво разглядывая в зеркале прыщ, так не кстати вскочивший на щеке.

– Что я там забыла? – ответила Надя, не глядя на брата. Она сидела на диване в зале и смотрела в телефон. – Как можно жить без интернета?

– А я думал, ты захочешь ковбоя увидеть, – Паша запрыгнул на диван и толкнул сестру плечом.

– Отстань, а? Что ты пристал ко мне со своим ковбоем? – рявкнула Надя.

– Не моим, а твоим! Я же видел, как он тебя на коне привез. Прямо принц колхоза, царевич навозный! – Паша расхохотался над своей шуткой.

– Дурак! – сказала Надя и тоже засмеялась.

– А серьезно, ты же до сих пор даже Мэри Поппинс не видела, – Паша постарался придать своему голосу плохо разыгрываемое равнодушие. – Как думаешь, она придет в клуб сегодня?

Надя с подозрением подняла на брата глаза и увидела, как он с живым интересом изучает кнопки пульта от телевизора.

Маша Попова, или Мэри Поппинс, как назвал ее Паша, была давней знакомой Нади. Не то чтобы подругой, а так, скорее приятельницей, с которой они в детстве играли вместе на улице. Маша приезжала к бабушке с дедушкой на лето из города Салават в Башкортостане. Это была невероятно красивая и жутко избалованная родителями (по мнению всех деревенских ребят) девочка с длинными светло-русыми волосами, пухлыми губами и ладной, как у куклы, фигуркой. Вот только глаза у нее были странными – разноцветными: один зеленый, другой голубой, как у египетских кошек. И Маша немного стеснялась своего, как она считала, уродства, хотя ее мама утверждала, что мальчишкам эта особенность, наоборот, очень нравилась. А сами мальчишки ни одну девчонку не обижали так, как ее, – толкали, отбирали игрушки, обзывали разноглазой русалкой, ну и, конечно, Мэри Поппинс.

– Да уж, давно с Мэри не виделись, – ответила Надя, глянув в окно на последние отблески заходящего солнца. – А знаешь что? Идем!

Она легко спрыгнула с дивана и подошла к трельяжу. Брат последовал за ней. В зеркале отразились настолько разные внешне парень и девушка, что незнакомый человек никогда не догадался бы об их родстве. Похожим было лишь одно – недовольное выражение лиц от увиденного в зеркале.

Высокий и худой, с копной рыжих волос, зеленоглазый и с веснушками на все лицо, Паша приблизился к самому стеклу и придирчиво уставился на свою щеку. Повернулся одним боком, потом другим, проверяя, какой стороной лучше встать к собеседнику, чтобы злосчастный прыщ был менее заметен.

Надя была гораздо ниже брата. Последние два года она все критичнее и все с большим недовольством относилась к своей фигуре: многие ее ровесницы уже имели талию, а у нее все еще был по-детски выпуклый живот.

– У тебя тоналка есть? – спросил Паша.

– Тоналка? – Надя с издевкой усмехнулась. – У мамы спроси. И тушь не забудь – взгляд выразительнее будет.

– Ха-ха-ха, – Паша скорчил рожу в ответ. – Прыщ замазать надо.

– Я тебя умоляю! Было бы перед кем красоваться!

– Ну, мало ли, – брат неопределенно пожал плечами.

– Знаю я твои «мало ли»! Чур, идем и возвращаемся вместе, – сказала она, серьезно поглядев на него. – Я не собираюсь одна ночью по деревне шастать!

Не мучаясь долгим выбором, Паша надел свежееотглаженные широкие джинсы, все время сползающие вниз, и такую же широкую толстовку с капюшоном цвета хаки. Надя тоже решила особо не выделяться в свой первый выход, поэтому надела свои единственные узкие джинсы и черную кофточку с кружевным воротничком.

Солнце уже село за лесом, когда брат и сестра вышли за ворота. Над деревней сгустились вечерние сумерки, и заметно похолодало. В садах, прятавшихся за заборами по обе стороны от дороги, сверчки и лягушки устроили многоголосый хор. Единственный на несколько домов фонарь еще не зажгли, хотя было уже довольно темно. На ухабистой дороге едва различимыми пятнами лежали свежие, но уже остывшие лепешки от прошедшего недавно стада коров. Запах их настолько естественно вписывался в местный пейзаж, что не раздражал нежные рецепторы городской барышни. Однако некоторая опасность в них все же таилась – можно было, не улядев, угодить в них ногой.

Вдали зажужжали мопеды – молодежь съезжалась к Дому культуры, и Надя, осознав, что вот-вот окажется в незнакомой обстановке, принялась кусать губу. Ей никак не передавалось веселое настроение брата, шагающего рядом вразвалочку. Девушка чувствовала, что нервничает все сильнее и сильнее по мере приближения к клубу. Как на нее отреагируют местные ребята? Некоторых девчонок она знала еще с детства, хотя и виделась с ними в последний раз более трех лет назад. А парни – это другое дело. В прошлый приезд она была еще ребенком, но сейчас ей уже четырнадцать лет. Этим летом мальчишки непременно увидят ее другими глазами.

Она снова подумала о Роберте. Интересно, чем он сейчас занят? Думает ли о ней или же сидит, уткнувшись в планшет? Стал бы он ревновать, если бы узнал, что она идет в клуб? И будет ли считаться изменой, если другой парень пригласит ее на медленный танец? И, и, и... Целый рой вопросов вертелся в голове Нади, когда Паша вдруг ткнул ее локтем в бок.

– Слышь, Надь, – он как-то неловко замолчал и подбросил носком ботинка камешек.

Надя с удивлением посмотрела на брата и только тут поняла, что за своими мыслями даже не обратила внимания на то, что за всю дорогу он не произнес ни слова.

– Ты чего это?

– Слушай, если там будет Мэри... – он замялся. – Ну, если вы будете там с ней болтать, а я потом подойду. Эм-м... Короче, ты сможешь отойти ненадолго? Ну там в дамскую или еще что?

– Да ладно, Паш! И ты туда же? – Надя хлопнула брата по плечу и расхохоталась, тут же забыв о недавних страхах и сомнениях.

– Хорош смеяться, – обиделся брат. – Ничего не туда же! – он снова замялся и добавил: – Ну отойдешь, ладно? По-братски?

– Ладно, – протянула Надя, – по-братски отойду.

Наконец ребята вышли на небольшую освещенную площадь, окруженную простенькими одноэтажными постройками: почта, универмаг, детский сад, домик участкового. В этот час все было закрыто. Тем не менее, на площади было довольнолюдно. Молодежь пришла на дискотеку в Дом культуры – простенькое двухэтажное здание с бледно-розовым фасадом и белым крыльцом. Посреди площади на постаменте возвышался памятник Ленину, а по периметру стояли деревянные скамейки, выкрашенные коричневой краской, успевшей местами облупиться.

В тусклом свете фонарей перед братом с сестрой предстала пестрая толпа: девушки в цветастых платьях, джинсах и кофточках с пайетками, парни, в большинстве своем одетые одинаково – джинсы, футболка или рубашка и черные остроносые туфли.

Увидев такие наряды, Надя поняла, что, несмотря на все старания одеться неприметно, здесь она все равно будет выделяться. То же самое относилось и к Паше – деревенские видели в нем городского пижона, даже если он был одет в простецкие джинсы.

Они подошли ближе. У дверей в клуб стояла компания парней. Один из них увидел брата с сестрой и ткнул другого. Все ребята обернулись и замолчали, рассматривая новеньких. Напряженные взгляды сузившихся глаз не обещали приятной дружеской встречи. Крупный, коротко стриженный парень с по-боксерски массивной челюстью угрожающе бросил сигарету на землю и растоптал ее. Его приятели уловили этот жест и, словно по команде, сдвинули брови.

– Кто это, ты их знаешь? – шепотом спросила Надя и с тревогой оглядела бандитские физиономии. – Чего они на тебя уставились?

– Не знаю. Они, наверно, из соседней деревни, из Сурмеево, – так же тихо ответил Паша. – Не дрейфь, сейчас разберемся.

– О, воробышек! – вдруг раздался знакомый голос прямо за спинами Перовых.

Они одновременно обернулись и увидели Артема Сергеевича Маслова, одетого, как и в прошлую их встречу, во все светлое: бежевые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, светло-коричневые ботинки. Он выглядел ангелом, спустившимся с неба на эту темную, пропахшую сигаретным дымом площадь. Маслов добродушно улыбнулся ребятам, словно старым добрым друзьям.

Несмотря на не особо теплое прощание при прошлой встрече, Надя почувствовала, что в данных обстоятельствах была очень рада видеть директора Дома культуры. Она даже не обиделась на нелестное прозвище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.